

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

Детишкины рассказы

Денис Драгунский

о том, как всё было
на самом деле

100
лет
издание

Денис Викторович Драгунский
Виктор Юзефович Драгунский
Денискины рассказы: о том,
как всё было на самом деле

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6504705

Денискины рассказы: о том, как всё было на самом деле / В. Ю.

Драгунский, Д. В. Драгунский: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-081477-0

Аннотация

«Денискины рассказы» Виктора Драгунского – любимая книга уже трех поколений.

Она написана полвека назад, и с тех пор многое изменилось: когда ходил в школу Дениска Кораблев, была совсем другая жизнь – другие улицы и квартиры, автомобили и магазины, телефоны и телевизоры.

К столетию со дня рождения Виктора Драгунского (1913–1972) издательство «АСТ» выпустило эту необычную книгу. Рядом с «Денискиными рассказами» – подробные объяснения Дениса Драгунского. О том, что было и чего не было. О чернильницах и велосипедах, о соседях и друзьях, о генеральских пуговицах и газировке с сиропом.

Содержание

Предисловие Дениса Драгунского	8
Что я люблю	13
...И чего не люблю!	16
О том, как все было на самом деле...	18
Квартира	30
Тайное становится явным	30
И мы!..	34
...Бы	40
Надо иметь чувство юмора	43
Двадцать лет под кроватью	48
Арбузный переулок	55
Одна капля убивает лошадь	61
Профессор кислых щей	65
Куриный бульон	70
Кот в сапогах	77
Рыцари	83
Ничего изменить нельзя	90
Старый мореход	95
Друг детства	103
Гусиное горло	108
Хитрый способ	116
Сестра моя Ксения	122
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Виктор Драгунский, Денис Драгунский Денискины рассказы: о том, как всё было на самом деле

Иллюстрации к текстам Д. Драгунского
Алексея Воронцова

Рисунок на переплете и иллюстрации к рассказам В. Драгунского
Михаила Салтыкова

© Драгунский В. Ю., наследники
© Драгунский Д. В., комментарии
© Воронцов А. Ю., иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного раз-

решения владельца авторских прав.

Предисловие Дениса Драгунского

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения замечательного детского писателя Виктора Драгунского, автора «Денискиных рассказов».

Эти рассказы были написаны полвека назад. Сейчас их читает уже третье поколение. Тот, кто впервые услышал или прочитал «Денискины рассказы» в детстве, сейчас читает их своим внукам.

За это время многое изменилось.

Когда ходил в школу Дениска Кораблев – была совсем другая жизнь.

Другие улицы, другие машины, другой двор, другие дома и квартиры. Другие магазины. Даже еда немножечко другая.

Не говоря уже про всякую технику. Сейчас у всех есть мобильники, компьютеры, ноутбуки, планшетники, плееры. В каждой квартире телевизор, и часто даже не один. А по телевизору показывают сто двадцать каналов.

А тогда телевизоров было очень мало. Не в каждой семье. Телефон был один на всю квартиру, он висел в коридоре, привинченный к стене, – и это еще хорошо, потому что были квартиры вовсе без телефона. А в квартире жило несколько семей – на каждую семью по одной комнате. В одной небольшой комнате, бывало, жили папа с мамой, двое детей и еще бабушка.

Интернет еще не придумали. Компьютеров не было вообще. И даже шариковых ручек.

Школьники писали железными перышками, макая их в чернильницы. Мальчики ходили в школу в серой форме, которая была похожа на солдатскую. А девочки носили коричневые платья и черные фартуки.

Зато на улице можно было опустить трехкопеечную монету в автомат, и он тебе наливал стакан газировки с сиропом. Или отнести в магазин две пустых бутылки из-под молока и взамен получить одну полную.

В общем, куда ни посмотри – всё было совсем по-другому, чем сейчас.

Виктора Драгунского часто спрашивали: «А все это на самом деле было? А вы знаете Дениску?»

Он отвечал: «Конечно знаю! Это же мой сын!»

Вот поэтому я – Денис Драгунский – решил рассказать читателям, как всё было в те времена.

Я расскажу, как мы жили в старых квартирах. Какой был у нас двор. Какая была школа. Как выглядела улица в те годы. Как жилось на старых дачах.

И отвечу на главный вопрос: то, что написано в «Денискиных рассказах», это правда? Это на самом деле было?

Но сначала – о жизни моего отца, писателя Виктора Драгунского.

Виктор Драгунский родился 1 декабря 1913 года в Нью-Йорке; вот как это вышло.

Его мама (то есть моя бабушка Рита) была дочерью учителя из города Гомеля, где они тогда жили.

Обычно девушки, выбирая себе мужа, ищут кого-то, хоть немножко похожего на своего папу. Но бабушка сделала другой выбор. Совсем наоборот. В шестнадцать лет она вышла замуж за сына лавочника, молодого бездельника и хулигана Юзефа.

Весной 1913 года они уехали в Америку. Просто так, за счастьем.

Но счастья не было. Работы не было. Денег не было. Родился ребенок, то есть мой папа. Молока не было тоже. Ребенка кормили кашей из бананов: ничего дешевле найти не могли.

Через полгода, а точнее говоря в июле 1914 года, они вернулись домой, в Гомель. Это было буквально за несколько дней до начала Первой мировой войны. Еще неделя – и они бы не смогли вернуться в Россию. Тогда меня бы не было на свете.

В 1917 году произошла революция.

Революционный комиссар Гомеля, молодой красный комбриг Ипполит Иванович Войцехович, влюбился в мою бабушку. Юзеф так ревновал, что однажды выстрелил в нее из пистолета и ранил ее в ногу. Наверное, он не хотел убивать бабушку. Хотел напугать, выстрелить в землю. Но попал в

ногу. Бабушка очень испугалась.

Жизнь тогда была очень простая и жестокая.

Красный комбриг Войцехович расстрелял Юзефа и женился на бабушке. Папа рассказывал, что Войцехович брал его с собой «на подавление белого мятежа». Папа запомнил смутно: он ехал на коне в обнимку с отчимом. Выстрелы вдали. Потом изба, много народу, а по комнате бегают зверь – ручная лиса.

Белый мятеж подавили. Но красного комбрига Войцеховича убили в 1919 году – то ли белые, то ли друзья Юзефа отомстили. У меня есть фотография похорон. Похоже на демонстрацию. Много народа. Плакаты, флаги.

Папа говорил мне, что мечтает написать о своем детстве повесть. Он даже название придумал – «Мальчик с настоящей саблей». Жалко, что не успел.

И вот моя бабушка, взяв сына (то есть моего папу), поехала в Москву. Тоже за счастьем. Она была красивая. Вышла замуж за артиста. Родила второго сына Лёню. Потом этот артист не вернулся с заграничных гастролей. Бабушка осталась с двумя детьми. Работала секретарем-машинисткой. Между прочим, моя другая бабушка, с маминой стороны, в молодости тоже была секретаршей.

А мой папа в Москве работал токарем на заводе, шорником – то есть делал седла и уздечки – на московском ипподроме. Летом он подрабатывал лодочником. Перевозил людей через Москву-реку – там, где сейчас Метромост.

Потом он решил стать артистом и поступил в театральную студию Алексея Дикого (был такой знаменитый артист и театральный педагог). Он стал играть в разных театрах и даже сыграл небольшую роль в кино. Работал клоуном в цирке. О цирке он написал повесть «Сегодня и ежедневно».

Когда началась война, его не взяли в армию по болезни – у него была тяжелая астма. Но он все равно пошел в ополчение. Они копали под Москвой противотанковые рвы. Потом немцы их окружили, и ополченцы лесами пробирались к своим. Об этом он через много лет написал в повести «Он упал на траву».

Его брат Лёня пошел на фронт и погиб в 1943 году; ему было восемнадцать лет.

После войны папа собрал группу артистов, и они сделали маленький эстрадный театр «Синяя птичка». Там папа не только играл, но и сочинял разные сценки. Еще он писал слова для песен. Писал фельетоны и юмористические рассказы. И женился на моей маме. Я у них родился в 1950 году.

Первые «Денискины рассказы» появились в журналах в конце 1950-х. Потом стали выходить книги, одна за другой. Появились фильмы и спектакли.

Умер он 6 мая 1972 года.

Он написал около шестидесяти «Денискиных рассказов» – то есть одну не очень толстую книгу. Зато эти рассказы читают уже пятьдесят лет. И это – самое главное.

Что я люблю

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как белье на заборе. Еще я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезать к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней, и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем ее кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пес.

Я люблю также смотреть телевизор: все равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У нее веселые глазки, и маленькие

рожки, и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, он будет жить в ванной. Еще я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флажком и дудеть в «уйди-уйди!».

Очень люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и Царь-пушку. Все это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или еще что-нибудь.

Я люблю гостей.

Еще очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карманах. Я люблю, чтобы ужик лежал на столе, когда я обедаю. Люблю, когда бабушка кричит про лягушонка: «Уберите эту гадость!» – и убегает из комнаты.

Я люблю посмеяться... Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех – смотришь, через пять минут и вправду становится смешно.

Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

– Ты что скачешь?

А я сказал:

– Я скачу, что ты мой папа!

Он понял!

Я люблю ходить в зоопарк! Там чудесные слоны. И есть один слоненок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слоненка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Люблю ходить в кафе – есть мороженое и запивать его газированной водой. От нее колет в носу и слезы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей, у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

...И чего не люблю!

Чего не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Еще не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихи.

Не люблю, когда папа с мамой уходят в театр.

Терпеть не могу яйца всмятку, когда их взбалтывают в стакане, крошат туда хлеба и заставляют есть.

Еще не люблю, когда мама идет со мной погулять и вдруг встречает тетю Розу!

Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться.

Не люблю ходить в новом костюме – я в нем как деревянный.

Когда мы играем в красных и белых, я не люблю быть белым. Тогда я выхожу из игры, и всё! А когда я бываю красным, не люблю попадать в плен. Я все равно убегаю.

Не люблю, когда у меня выигрывают.

Не люблю, когда день рождения, играть в «каравай»: я не маленький.

Не люблю, когда ребята задаются.

И очень не люблю, когда порежусь, вдобавок – мазать палец йодом.

Я не люблю, что у нас в коридоре тесно и взрослые каждую минуту снуют туда-сюда, кто со сковородкой, кто с чай-

ником, и кричат:

– Дети, не вертитесь под ногами! Осторожно, у меня горячая кастрюля!

А когда я ложусь спать, не люблю, чтобы в соседней комнате пели хором:

Ландыши, ландыши...

Очень не люблю, что по радио мальчишки и девчонки говорят старушечьими голосами!..

О том, как все было на самом деле...

Меня зовут Денис Викторович Драгунский.

«Денискины рассказы» написал мой отец, Виктор Юзевич Драгунский.

Поэтому все считают, что это рассказы про меня. Что я и есть тот самый Дениска. Тем более что в самой первой книге про Дениску – она называлась «Он живой и светится» и вышла в 1961 году – мальчик на картинках был очень похож на меня маленького.

Книга была очень красивая. Это понятно – ее делал великолепный книжный художник Виталий Горяев. Я помню, как папа принес домой коричневый бумажный пакет, вскрыл его и вытащил тонкие большие книги. На обложке – окно, и на окне сидит мальчик со спичечным коробком, в котором живет светлячок. Мальчик был вылитый я, только помладше. Я даже удивился.

Вот как это получилось. У мамы была одна знакомая. Она была фотографом. Однажды она сделала много-много маленьких фотографий – я с мамой, я один, я с книжкой. Я там был лохматый и в штанах с помочами. Мама склеила эти фотографии в такую длинную гармошку. И папа дал эту гармошку Виталию Горяеву.

В результате мальчик Дениска на картинках был почти в точности я в шестилетнем возрасте. С волнистой шевелюрой и в штанах с помочами. Все папины и мамины знакомые говорили мне: «Ого! Ты хоть понимаешь, что папа написал книжку про тебя?»

Довольно странная ситуация, между прочим. Жить в обнимку с литературным героем, про которого все уверены, что это я и есть.

Но вся штука в том, что Дениска Кораблев – именно литературный герой, а не маленький Денис Драгунский.

Кстати говоря, ребята в нашей школе это прекрасно понимали. Чувствовали разницу между живым человеком и литературным персонажем. Мой папа несколько раз приходил к нам в школу и читал свои рассказы. Набивался полный зал. Все смеялись, хлопали, просили надписать книгу на память. Но никто, ни один человек, не называл меня «Дениской из рассказов» и не задавал вопросов: «А это правда было?»

Вопросы начались потом. Когда я уже стал студентом и подросли дети, которым мамы и папы читали «Денискины рассказы».

Вот тогда – то есть примерно лет через десять после первого появления «Денискиных рассказов» – имя Денис стало довольно популярным. А когда я родился, это было очень редкое имя. Во-первых, старинное. А во-вторых, какое-то специально народное, как будто даже деревенское. Знакомые говорили: «Как странно Витя Драгунский назвал своего сына – то ли Денис, то ли Герасим!» А в школе учителя меня по ошибке называли то Максимом, то Трофимом, а то даже Кузьмой.

Но вот, говорю, подросло первое поколение читателей

«Денискиных рассказов».

И у меня стали спрашивать: «Это про вас? Это вы приходили из школы или прибегали со двора и рассказывали своему папе, и он всё записывал? Или он просто смотрел на вас и описывал ваши приключения? И вообще – это всё правда было?»

Ответов – два.

«Конечно, нет!» и «Разумеется, да!». Оба ответа – правильные.

Конечно, Виктор Драгунский сочинял свои «Денискины рассказы» совершенно самостоятельно, безо всяких подсказок со стороны десятилетнего мальчишки. И вообще, что за ерунда? Получается, что любой грамотный человек может в два счета стать детским писателем. Спроси у ребенка, что сегодня было в школе, запиши и беги в редакцию! Тем более что я уверен – у многих ребят в школе или во дворе случались приключения в сто раз интереснее, чем у Дениски.

Но писатель должен сочинять сам.

Так что все «Денискины рассказы» придуманы моим папой. Пожалуй, кроме рассказа «Третье место в стиле баттерфляй» и нескольких кусочков из рассказов «Что я люблю», «...И чего не люблю». Это действительно было на самом деле. А всё остальное – сочинено от первого до последнего слова.

На самом деле я не менял самосвал на светлячка, не видел в цирке Девочку на шаре, меня в том же цирке не хватал по ошибке клоун Карандаш и не утаскивал под купол. Я не катался по двору на велосипеде с мотором. Не попадал в автомобильную аварию, описанную в рассказе «Человек с голубым лицом». Мы с Мишкой не врали наперегонки на уроке, я не пел куплеты «Папа у Васи силен в математике» и не пил целую бутылку лимонада, чтобы весить ровно двадцать

пять кило. В общем, ничего не делал из того, что вытворял Дениска вместе с Мишкой и Алёнкой.

И самое главное, я не выливал манную кашу из окна.

Хотя это самый главный вопрос, который мне задают уже пятьдесят лет:

– Дениска, Денис, Денис Викторович! А про кашу из окна – это правда?

Неправда.

Да, я терпеть не мог манную кашу. Но из окна я ее не выливал. Почему – расскажу потом, в главе «Квартира».

Кстати, а кем работает Денискин папа? И кто его мама?

На самом деле мои папа и мама были артистами эстрады. Мама – ведущая программы в танцевальном ансамбле «Березка», а папа – когда он только начал писать «Денискины рассказы» – был артист, режиссер и сочинитель сценок в маленьком эстрадном театре «Синяя птичка».

Но в рассказах – папа инженер, а мама – студентка. Дениска говорит: «Папа на заводе, мама в институте». Папа уезжает в командировку на Урал. К папе приходят друзья и спорят целый вечер над какими-то чертежами. В рассказах мама и папа совсем молодые, а на самом деле, когда я родился, моему папе было тридцать семь лет, а маме двадцать шесть.

Вот я объяснил, что нет, «Денискины рассказы» – это не про меня. Вроде бы всё доказал, очень убедительно.

А теперь скажу – да конечно же про меня!

Но я не про отдельные приключения, которые, еще раз повторяю, выдуманы все, от первого до последнего случая.

Я про жизнь, которая там описана.

Это моя мама, с глазами зелеными, как крыжовник. «Са-

мая красивая мама во всем классе», как признал Мишка Слонов. Это наш двор, наша квартира, наша – моя то есть – школа. И велосипед с мотором, и дача. Учительница у нас была Раиса Ивановна. Мишка и Алёнка – реальные люди, с Мишкой я до сих пор дружу. А вот Аленку мы с Мишкой не смогли разыскать, говорят, она за границу уехала.

И вообще, все люди из «Денискиных рассказов» – дети и взрослые – были когда-то в моей жизни. И дачный сосед Борис Климентьевич (на самом деле драматург Климентий Борисович Минц) со своей собакой Чапкой, и Ванька Дыхов (старший приятель моего детства Иван Дыховичный). И Костик, и Андрюшка, и Павля. Вожатая Люся, Левка Бурин, Валерка, который на школьном концерте играет на аккордеоне, а бабушка из зала ему дирижирует и подпевает. И мелькнувшая в одном рассказе девочка Катя Точилина – была у нас такая в первом классе. И управдом Алексей Акимыч – он был, честное слово, так его и звали!

Тетя Мила и Алексей Михайлович – давние папины знакомые. С тетей Милой папа вместе сочинял слова для песен, а Алексей Михайлович – старый драматург, популярный в тридцатые годы.

Тётя Роза – это мамина подруга детства, с ней мама подружила всю жизнь. Кстати, папа тоже любил своих друзей детства, школьных товарищей. Их было пять человек, они очень часто приходили к нам в гости. Это были обычные инженеры, добрые и хорошие, и папа не променял их на разных знаменитых людей, с которыми познакомился, когда стал известным писателем.

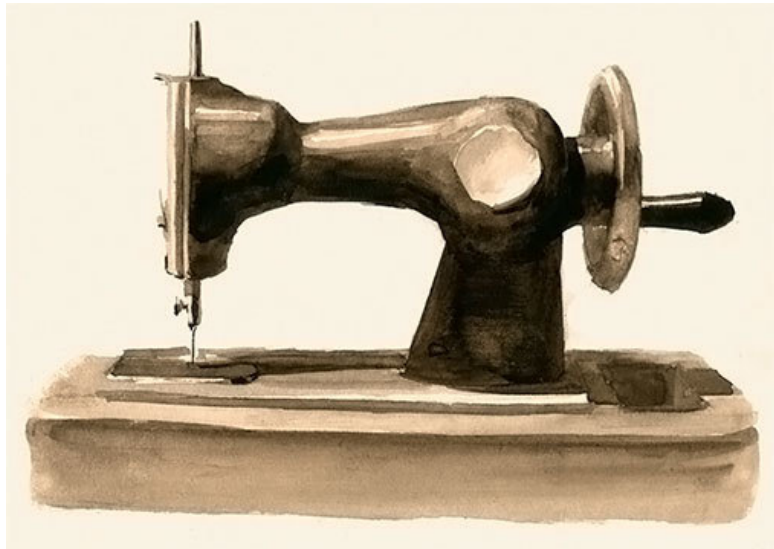
Даже имена кого-то мне напоминают. Например, капитан дальнего плавания Харитон Васильевич. А моего дедушку, маминого папу, звали Василий Харитонович. Хотя он был никакой не капитан, а просто шофер.

Жалко только, что в книге не нашлось места для моей любимой бабушки, папиной мамы. Она всего один раз промелькнула, в рассказе «...Бы».

Так что в «Денискиных рассказах» с удивительной точностью описана моя жизнь. Мое детство, мой восьмилетний и чуть старше возраст. Поэтому эта книга, конечно же, про меня. Про моих друзей. И про тех ребят, кто прочитает ее сегодня.

То есть про всех мальчишек и девчонок на свете.

Пусть они теперь сами решают – было это всё или не было.

Квартира

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

– А это значит, что, если кто поступает нечестно, все равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесет наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лег спать, но не спал, а все время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это еще терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдем с тобой в Кремль?

Ну еще бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И еще там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдем. А я пока посуду мою. Только помни – ты должен съесть все до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлепал ее ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Еще хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил ее. Тут я взяли долил в кашу кипятку. Все равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно!

Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти все можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идем на прогулку в Кремль! – И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошел милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошел к окну и поглядел вниз. – А еще интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – строго спросила мама.

– Как не стыдно! – Милиционер даже стал по стойке смирно. – Государство предоставляет вам новое жилье, со всеми удобствами, и между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

– Не клевете. Ничего я не выливаю!

– Ах, не выливаете?! – язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: – Пострадавший! И к нам вошел какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я

не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе – наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошел, сразу стал заикаться:

– Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжет... Как же я пошлю свое... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на нее взглянуть. Но я себя пересилил, подошел к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

– Да.

И мы!..

Мы как только узнали, что наши небывалые герои в космосе называют друг друга Сокол и Беркут, так сразу порешили, что я теперь буду Беркут, а Мишка – Сокол. Потому что все равно мы будем учиться на космонавтов, а Сокол и Беркут – такие красивые имена! И еще мы решили с Мишкой, что до тех пор, пока нас примут в космонавтскую школу, мы будем с ним понемножку закаляться как сталь. И как только мы это решили, я пошел домой и стал закаляться.

Я залез под душ и пустил сначала тепленькой водички, а потом, наоборот, поддал холодной. И я ее довольно легко перетерпел. Тогда я подумал, что, раз дело идет так хорошо, надо, пожалуй, подзакалиться чуточку получше, и пустил ледянистую струю. Ого-го! У меня сразу вжался живот, и я покрылся пупырьками.

И так постоял с полчасика или минут пять и здорово закалился! И когда я потом одевался, то вспомнил, как бабушка читала стихи про одного мальчишку, как он посинел и весь дрожал.

А после обеда у меня потекло из носу и я стал чихать.

Мама сказала:

– Выпей аспирину, и завтра будешь здоров. Ложись-ка! На сегодня всё!

И у меня сейчас же испортилось настроение. Я чуть было

не заревел, но в это время под окошком раздался крик:

– Бе-еркут!.. А Беркут!.. Да Беркут же!..

Я подбежал к окошку, высунулся, а там Мишка! Я сказал:

– Чего тебе, Сокол?

А он:

– Давай выходи на орбиту!

Это во двор, значит. Я ему говорю:

– Мама не пускает. Я простудился!

А мама потянула меня за ноги и говорит:

– Не высовывайся так далеко! Упадешь! С кем это ты?

Я говорю:

– Ко мне друг пришел. Небесный брат. Близнец! А ты мешаешь!

Но мама сказала железным голосом:

– Не высовывайся!

Я говорю Мишке:

– Мне мама не велит высовываться...

Мишка немножко подумал, а потом обрадовался:

– Не велит высовываться, и правильно. Это будет у тебя испытание на не-вы-со-вы-ва-е-мость!

Тогда я все-таки немножко высунулся и сказал ему тихонько:

– Эх, Сокол ты мой, Сокол! Мне тут, может, сутки безвыходно торчать!

А Мишка опять все по-своему перевернул:

– И очень хорошо! Прекрасная тренировка! Закрой глаза

и лежи как в сурдокамере!

Я говорю:

– Вечером я с тобой установлю телефонную связь.

– Ладно, – сказал Мишка, – ты устанавливай со мной, а я – с тобой.

И он ушел.

А я лег на папин диван и закрыл глаза и тренировался на молчание. Потом встал и сделал зарядку. Потом понаблюдал в иллюминатор неведомые миры, а потом пришел папа, и я принял ужин из натуральных продуктов. Самочувствие было превосходное. Я принес и разложил раскладушку.

Папа сказал:

– Что так рано?

А я сказал со значением:

– Вы как хотите, а я буду спать.

Мама положила мне руку на лоб и сказала:

– Ребенок заболел!

А я ничего ей не сказал. Если они не понимают, что это все тренировка на космонавта, то зачем объяснять? Не стоит. Потом сами узнают, из газет, когда их благодарить будут за то, что воспитали такого сына, как я!

Пока я думал, прошло довольно много времени, и я вспомнил, что пора налаживать телефонную связь с Мишкой.

Я вышел в коридор и набрал номер. Мишка подошел сразу, только у него был какой-то чересчур толстый голос:

– Нда-нда! Говорите!

Я сказал:

– Сокол, это ты?

А он:

– Что-что?

Я опять:

– Сокол, это ты или нет? Это Беркут! Как дела?

Он засмеялся, посопел и говорит:

– Очень остроумно! Ну, довольно разыгрывать. Сонечка, это вы?

Я говорю:

– Какая там еще Сонечка, это Беркут! Ты что, обалдел?

А он:

– Кто это? Что за выражения? Хулиганство! Кто это говорит?

Я сказал:

– Это никто не говорит.

И повесил трубку. Наверно, я не туда попал. Тут папа позвал меня, и я вернулся в комнату, разделся и лег. И только стал задремывать, вдруг: зззззз! Телефон! Папа вскочил и выбежал в коридор, и, пока я на шаривал тапочки, я слышал его серьезный голос:

– Беркутова? Какого Беркутова? Здесь такого нет! Наблюдайте внимательно!

Я сразу понял, что это Мишка! Это связь! Я выбежал в коридор прямо в чем мать родила, в одних трусиках.

– Это меня, меня! Это я Беркут!

Папа сейчас же отдал мне трубку, и я закричал:

– Это Сокол? Это Беркут! Слушаю вас!

А Мишка:

– Докладывай, чем занимаешься!

Я говорю:

– Я сплю!

А Мишка:

– Я тоже! Я уже почти совсем заснул, да вспомнил одно важное дело! Беркут, слушай! Перед сном надо спеть! Вдвоем! На пару! Чтобы у нас получился космический дуэт!

Я прямо подпрыгнул:

– Молодец, Сокол! Давай любимую космонавтскую! Подпевай!

И я запел изо всех сил. Я хорошо пою, громко! Громче меня никто не может. Я по громкости первый в нашем хоре. И вот когда я запел, сейчас же изо всех дверей стали высыпать соседи, они кричали: «Безобразие... Что случилось... Уже поздно... Распустились... Здесь коммунальная квартира... Я думала, поросенка режут...» – но папа им сказал:

– Это небесные близнецы, Сокол и Беркут, поют перед сном!

И тогда все замолчали.

А мы с Мишкой допели до конца:

...На пыльных тропинках далеких планет

Останутся наши следы!

...Бы

Один раз я сидел, сидел и ни с того ни с сего вдруг такое надумал, что даже сам удивился. Я надумал, что вот как хорошо было бы, если бы все вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главные и взрослые должны были бы их во всем, во всем слушаться. В общем, чтобы взрослые были как дети, а дети как взрослые. Вот это было бы замечательно, очень было бы интересно.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и командую ею как хочу, да и папе небось тоже бы «понравилось», а о бабушке и говорить нечего. Что и говорить, я все бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

«Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот еще новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый кощей! Ешь сейчас же, тебе говорят! – И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду: – Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Все решаешь мировые проблемы? Жуи как следует! И не раскачивайся на стуле!»

И тут вошел бы папа после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

«Ага, явился! Вечно тебя надо ждать! Мой руки сейчас

же! Как следует, как следует мой, нечего грязь размазывать. После тебя на полотенце страшно смотреть. Щеткой три и не жалей мыла. Ну-ка, покажи ногти! Это ужас, а не ногти. Это просто когти! Где ножницы? Не дергайся! Ни с каким мясом я не режу, а стригу очень осторожно. Не хлюпай носом, ты не девчонка... Вот так. Теперь садись к столу».

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

«Ну, как поживаешь?»

А она бы сказала, тоже тихонько:

«Ничего, спасибо!»

А я бы немедленно:

«Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь. Золотое правило! Папа! Положи сейчас же газету, наказание ты мое!»

И они сидели бы у меня как шелковые, а уж когда бы пришла бабушка, я бы прищурился, всплеснул руками и заголовил:

«Папа! Мама! Полюбуйтесь-ка на нашу бабуленьку! Каков вид! Грудь распахнута, шапка на затылке! Щеки красные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать. Признавайся, опять в хоккей гоняла? А это что за грязная палка? Ты зачем ее в дом приволокла? Что? Это клюшка? Убери ее сейчас же с моих глаз – на черный ход!»

Тут я бы прошелся по комнате и сказал бы им всем троим: «После обеда все садитесь за уроки, а я в кино пойду!»

Конечно, они бы сейчас же заныли и захныкали:

«И мы с тобой! И мы тоже хотим в кино!»

А я бы им:

«Нечего, нечего! Вчера ходили на день рождения, в воскресенье я вас в цирк водил! Ишь! Понравилось развлекаться каждый день. Дома сидите! Нате вам вот тридцать копеек на мороженое, и всё!»

Тогда бы бабушка взмолилась:

«Возьми хоть меня-то! Ведь каждый ребенок может провести с собой одного взрослого бесплатно!»

Но я бы увильнул, я сказал бы:

«А на эту картину людям после семидесяти лет вход воспрещен. Сиди дома, гулёна!»

И я бы прошелся мимо них, нарочно громко постукивая каблуками, как будто я не замечаю, что у них у всех глаза мокрые, и я бы стал одеваться, и долго вертелся бы перед зеркалом, и напевал бы, и они от этого еще хуже бы мучились, а я бы приоткрыл дверь на лестницу и сказал бы...

Но я не успел придумать, что бы я сказал, потому что в это время вошла мама, самая настоящая, живая, и сказала:

– Ты еще сидишь! Ешь сейчас же, посмотри, на кого ты похож? Вылитый кощей.

Надо иметь чувство юмора

Один раз мы с Мишкой делали уроки. Мы положили перед собой тетрадки и списывали. И в это время я рассказывал Мишке про лемуру, что у них большие глаза, как стеклянные блюдечки, и что я видел фотографию лемура, как он держится за авторучку, сам маленький-маленький и ужасно симпатичный.

Потом Мишка говорит:

– Написал?

Я говорю:

– Уже.

– Ты мою тетрадку проверь, – говорит Мишка, – а я – твою.

И мы поменялись тетрадками.

И я как увидел, что Мишка написал, так сразу стал хохотать.

Гляжу, а Мишка тоже покатывается, прямо синий стал.

Я говорю:

– Ты чего, Мишка, покатываешься?

А он:

– Я покатываюсь, что ты неправильно списал! А ты чего?

Я говорю:

– А я то же самое, только про тебя. Гляди, ты написал: «Наступили мозы». Это кто такие – «мозы»?

Мишка покраснел:

– Мозы – это, наверно, морозы. А ты вот написал: «Натала зима». Это что такое?

– Да, – сказал я, – не «натала», а «настала». Ничего не попишешь, надо переписывать. Это всё лемуры виноваты.

И мы стали переписывать. А когда переписали, я сказал:

– Давай задачи задавать!

– Давай, – сказал Мишка.

В это время пришел папа. Он сказал:

– Здравствуйте, товарищи студенты...

И сел к столу.

Я сказал:

– Вот, папа, послушай, какую я Мишке задам задачу: вот у меня есть два яблока, а нас трое, как разделить их среди нас поровну?

Мишка сейчас же надулся и стал думать. Папа не надулся, но тоже задумался. Они думали долго.

Я тогда сказал:

– Сдаешься, Мишка?

Мишка сказал:

– Сдаюсь!

Я сказал:

– Чтобы мы все получили поровну, надо из этих яблок сварить компот. – И стал хохотать: – Это меня тетя Мила научила!..

Мишка надулся еще больше. Тогда папа сощурил глаза и

сказал:

– А раз ты такой хитрый, Денис, дай-ка я задам тебе задачу.

– Давай задавай, – сказал я.

Папа походил по комнате.

– Ну слушай, – сказал папа. – Один мальчишка учится в первом классе «В». Его семья состоит из пяти человек. Мама встает в семь часов и тратит на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты, сколько бабушка ходит в магазин минус во сколько встает мама.

Когда они все вместе, они начинают будить этого мальчишку из первого класса «В». На это уходит время чтения дедушкиных газет плюс бабушкино хождение в магазин.

Когда мальчишка из первого класса «В» просыпается, он потягивается столько времени, сколько одевается мама плюс папина чистка зубов. А умывается он, сколько дедушкины газеты, деленные на бабушку. На уроки он опаздывает на столько минут, сколько потягивается плюс умывается минус мамино вставание, умноженное на папины зубы.

Спрашивается: кто же этот мальчишка из первого «В» и что ему грозит, если это будет продолжаться? Всё!

Тут папа остановился посреди комнаты и стал смотреть на меня. А Мишка захохотал во все горло и стал тоже смотреть на меня. Они оба на меня смотрели и хохотали.

Я сказал:

– Я не могу сразу решить эту задачу, потому что мы еще этого не проходили.

И больше я не сказал ни слова, а вышел из комнаты, потому что я сразу догадался, что в ответе этой задачи получится лентяй и что такого скоро выгонят из школы. Я вышел из комнаты в коридор и залез за вешалку и стал думать, что если это задача про меня, то это неправда, потому что я всегда встаю довольно быстро и потягиваюсь совсем недолго, ровно столько, сколько нужно. И еще я подумал, что если папе так хочется на меня выдумывать, то пожалуйста, я могу уйти из дома прямо на целину. Там работа всегда найдется, там люди нужны, особенно молодежь. Я там буду покорять природу, и папа приедет с делегацией на Алтай, увидит меня, и я останюсь на минутку, скажу:

«Здравствуй, папа», – и пойду дальше покорять.

А он скажет:

«Тебе привет от мамы...»

А я скажу:

«Спасибо... Как она поживает?»

А он скажет:

«Ничего».

А я скажу:

«Наверно, она забыла своего единственного сына?»

А он скажет:

«Что ты, она похудела на тридцать семь кило! Вот как ску-

чает!»

А что я ему скажу дальше, я не успел придумать, потому что на меня упало пальто и папа вдруг прилез за вешалку. Он меня увидел и сказал:

– Ах ты, вот он где! Что у тебя за такие глаза? Неужели ты принял эту задачу на свой счет?

Он поднял пальто и повесил на место, и сказал дальше:

– Я это все выдумал. Такого мальчишки и на свете-то нет, не то что в вашем классе!

И папа взял меня за руки и вытащил из-за вешалки. Потом еще раз поглядел на меня пристально и улыбнулся:

– Надо иметь чувство юмора, – сказал он мне, и глаза у него стали веселые-веселые. – А ведь это смешная задача, правда? Ну! Засмейся!

И я засмеялся.

И он тоже.

И мы пошли в комнату.

Двадцать лет под кроватью

Никогда я не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щеки, как кинжалом, снег вертелся со страшной быстротой. Тоскливо было и скучно, просто выть хотелось, а тут еще папа и мама ушли в кино. И когда Мишка позвонил по телефону и позвал меня к себе, я тотчас же оделся и помчался к нему. Там было светло и тепло и собралось много народу, пришла Аленка, за нею Костик и Андрюшка. Мы играли во все игры, и было весело и шумно. И под конец Аленка вдруг сказала:

– А теперь в прятки! Давайте в прятки!

И мы стали играть в прятки. Это было прекрасно, потому что мы с Мишкой все время подстраивали так, чтобы водить выпадало маленьким – Костику или Аленке, а сами все время прятались и вообще водили малышей за нос. Но все наши игры проходили только в Мишкиной комнате, и это довольно скоро нам стало надоедать, потому что комната была маленькая, тесная и мы все время прятались за портьеру, или за шкаф, или за сундук, и в конце концов мы стали потихоньку выплескиваться из Мишкиной комнаты и заполнили своей игрой большущий длинный коридор квартиры.

В коридоре было интереснее играть, потому что возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы. Это было гораздо лучше для нас, потому что, например,

кто водит и ищет нас, тот уж конечно не сразу догадается, что я притаился за Марьсеминой шубой и сам влез в валенки как раз под шубой.

И вот, когда водить выпало Костику, он отвернулся к стене и стал громко выкрикивать:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Тут все брызнули в разные стороны, кто куда, чтобы прятаться. А Костик немножко подождал и крикнул снова:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать! Опять!

Это считалось как бы вторым звонком. Мишка сейчас же залез на подоконник, Аленка – за шкаф, а мы с Андрюшкой выскользнули в коридор. Тут Андрюшка, не долго думая, полез под шубу Марьи Семеновны, где я все время прятался, и оказалось, что я остался без места! И я хотел дать Андрюшке подзатыльник, чтобы он освободил мое место, но тут Костик крикнул третье предупреждение:

– Пора не пора, я иду со двора!

И я испугался, что он меня сейчас увидит, потому что я совершенно не спрятался, и я заметался по коридору туда-сюда, как подстреленный заяц. И тут в самое нужное время я увидел раскрытую дверь и вскочил в нее.

Это была какая-то комната, и в ней на самом видном месте, у стены, стояла кровать, высокая и широкая, так что я моментально нырнул под эту кровать. Там был приятный полумрак и лежало довольно много вещей, и я стал сейчас же их рассматривать. Во-первых, под этой кроватью было очень

много туфель разных фасонов, но все довольно старые, а еще стоял плоский деревянный чемодан, а на чемодане стояло алюминиевое корыто вверх тормашками, и я устроился очень удобно: голову на корыто, чемодан под поясницей – очень ловко и уютно. Я рассматривал разные тапочки и шлепанцы и все время думал, как это здорово я спрятался и сколько смеху будет, когда Костик меня тут найдет.

Я отогнул немножко кончик одеяла, которое свешивалось со всех сторон до пола и закрывало от меня всю комнату: я хотел глядеть на дверь, чтобы видеть, как Костик войдет и будет меня искать. Но в это время в комнату вошел никакой не Костик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на Бабу-ягу.

Она вошла, вытирая руки о полотенце.

Я все время потихоньку наблюдал за нею, думал, что она обрадуется, когда увидит, как Костик вытащит меня из-под кровати. А я еще для смеху возьму какую-нибудь ее туфлю в зубы, она тогда наверняка упадет от смеха. Я был уверен, что вот еще секунда или две промелькнут, и Костик обязательно меня обнаружит. Поэтому я сам все время смеялся про себя, без звука.

У меня было чудесное настроение. И я все время поглядывал на Ефросинью Петровну. А она тем временем очень спокойно подошла к двери и ни с того ни с сего плотно захлопнула ее. А потом, гляжу, повернула ключик – и готово! Заперлась. Ото всех заперлась! Вместе со мной и корытом.

Заперлась на два оборота.

В комнате сразу стало как-то тихо и зловеще. Но тут я подумал, что это она заперлась не надолго, а на минутку, и сейчас отопрет дверь, и все пойдет как по маслу, и опять будет смех и радость, и Костик будет просто счастлив, что вот он в таком трудном месте меня отыскал! Поэтому я хотя и оробел, но не до конца, и все продолжал поглядывать на Ефросинью Петровну, что же она будет делать дальше.

А она села на кровать, и надо мной запели и заскрежетали пружины, и я увидел ее ноги. Она одну за другой скинула с себя туфли и прямо в одних чулках подошла к двери, и у меня от радости заколотилось сердце.

Я был уверен, что она сейчас отопрет замок, но не тут-то было. Можете себе представить, она – чик! – и погасила свет. И я услышал, как опять завывли пружины над моей головой, а кругом кромешная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью. Я понял, что попал в скверную историю, что теперь я в заточении, в ловушке.

Сколько я буду тут лежать? Счастье, если час или два! А если до утра? А как утром вылезать? А если я не приду домой, папа и мама обязательно сообщат в милицию. А милиция придет с собакой-ищейкой. По кличке Мухтар. А если в нашей милиции никаких собак нету? И если милиция меня не найдет? А если Ефросинья Петровна проспит до самого утра, а утром пойдет в свой любимый сквер сидеть целый

день и снова запрет меня, уходя? Тогда как? Я, конечно, по-ем немножко из ее буфета, и, когда она придет, придется мне лезть под кровать, потому что я съел ее продукты и она отдаст меня под суд! И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность? Ведь это самый настоящий кошмар! Конечно, тут есть тот плюс, что я всю школу просижу под кроватью, но как быть с аттестатом, вот в чем вопрос. С аттестатом зрелости! Я под кроватью за двадцать лет не то что созрею, я там вполне перезрею.

Тут я не выдержал и со злости как трахнул кулаком по корыту, на котором лежала моя голова! Раздался ужасный грохот! И в этой страшной тишине при погашенном свете и в таком моем жутком положении мне этот стук показался раз в двадцать сильнее. Он просто оглушил меня.

И у меня сердце замерло от испуга. А Ефросинья Петровна надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала мирным сном, а тут пожалуйста – тах-тах из-под кровати! Она полежала маленько, отдышалась и вдруг спросила темноту слабым и испуганным голосом:

– Ка-ра-ул?!

Я хотел ей ответить: «Что вы, Ефросинья Петровна, какое там “караул”? Спите дальше, это я, Дениска!» Я все это хотел ей ответить, но вдруг вместо ответа как чихну во всю ивановскую, да еще с хвостиком:

– Апчихи! Чхи! Чхи! Чхи!..

Там, наверное, пыль поднялась под кроватью ото всей

этой возни, но Ефросинья Петровна после моего чиханья убедилась, что под кроватью происходит что-то неладное, здорово перепугалась и закричала уже не с вопросом, а совершенно утвердительно:

– Караул!

И я, непонятно почему, вдруг опять чихнул изо всех сил, с каким-то даже подвыванием чихнул, вот так:

– Апчихи-уу!

Ефросинья Петровна как услышала этот вой, так закричала еще тише и слабей:

– Грабят!..

И, видно, сама подумала, что если грабят, так это ерунда, не страшно. А вот если... И тут она довольно громко завопила:

– Режут!

Вот какое вранье! Кто ее режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Поэтому я решил, что пора кончать это дело и, раз она все равно не спит, мне надо вылезать.

И все подо мной загремело, особенно корыто, ведь я в темноте не вижу. Грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

– Грабаул! Караулят!

А я выскочил и по стене шарю, где тут выключатель, и нашел вместо выключателя ключ и обрадовался, что это дверь.

Я повернул ключ, но оказалось, что я открыл дверь от шкафа, и я тут же перевалился через порог этой двери и стою и тычусь в разные стороны, и только слышу, мне на голову разное барахло падает.

Ефросинья Петровна пищит, а я совсем онемел от страха, а тут кто-то забарабанил в настоящую дверь!

– Эй, Дениска! Выходи сейчас же! Ефросинья Петровна! Отдайте Дениску, за ним его папа пришел!

И папин голос:

– Скажите, пожалуйста, у вас нет моего сына?

Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания ввалилась в комнату. Они стали бегать по комнате меня искать, а когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья.

Папа сказал:

– Что с тобой было? Где ты пропадал?

Костик и Мишка сказали тоже:

– Где ты был, что с тобой приключилось? Рассказывай!

Но я молчал. У меня было такое чувство, что я и в самом деле просидел под кроватью ровно двадцать лет.

Арбузный переулок

Я пришел со двора после футбола усталый и грязный как не знаю кто. Мне было весело, потому что мы выиграли у дома номер пять со счетом 44:37. В ванной, слава богу, никого не было. Я быстро сполоснул руки, побежал в комнату и сел за стол. Я сказал:

– Я, мама, сейчас быка съесть могу.

Она улыбнулась.

– Живого быка? – сказала она.

– Ага, – сказал я, – живого, с копытами и ноздрями!

Мама сейчас же вышла и через секунду вернулась с тарелкой в руках. Тарелка так славно дымилась, и я сразу догадался, что в ней рассольник. Мама поставила тарелку передо мной.

– Ешь! – сказала мама.

Но это была лапша. Молочная. Вся в пенках. Это почти то же самое, что манная каша. В каше обязательно комки, а в лапше обязательно пенки. Я просто умираю, как только вижу пенки, не то чтобы есть. Я сказал:

– Я не буду лапшу!

Мама сказала:

– Безо всяких разговоров!

– Там пенки!

Мама сказала:

– Ты меня вгонишь в гроб! Какие пенки? Ты на кого похож? Ты вылитый кощей!

Я сказал:

– Лучше убей меня!

Но мама вся прямо покраснела и хлопнула ладонью по столу:

– Это ты меня убиваешь!

И тут вошел папа. Он посмотрел на нас и спросил:

– О чем тут диспут? О чем такой жаркий спор?

Мама сказала:

– Полюбуйся! Не хочет есть. Парню скоро одиннадцать лет, а он, как девочка, капризничает.

Мне скоро девять. Но мама всегда говорит, что мне скоро одиннадцать. Когда мне было восемь лет, она говорила, что мне скоро десять.

Папа сказал:

– А почему не хочет? Что, суп пригорел или пересолен?

Я сказал:

– Это лапша, а в ней пенки...

Папа покачал головой:

– Ах, вот оно что! Его высокоблагородие фон барон Кутькин-Путькин не хочет есть молочную лапшу! Ему, наверно, надо подать марципаны на серебряном подносе!

Я засмеялся, потому что я люблю, когда папа шутит.

– Это что такое – марципаны?

– Я не знаю, – сказал папа, – наверно, что-нибудь сладень-

кое и пахнет одеколоном. Специально для фон барона Кутькина-Путькина!.. А ну давай ешь лапшу!

– Да ведь пенки же!

– Заелся ты, братец, вот что! – сказал папа и обернулся к маме. – Возьми у него лапшу, – сказал он, – а то мне просто противно! Кашу он не хочет, лапшу он не может!.. Капризы какие! Терпеть не могу!..

Он сел на стул и стал смотреть на меня. Лицо у него было такое, как будто я ему чужой. Он ничего не говорил, а только вот так смотрел – по-чужому. И я сразу перестал улыбаться – я понял, что шутки уже кончились. А папа долго так молчал, и мы все так молчали, а потом он сказал, и как будто не мне и не маме, а так, кому-то, кто его друг:

– Нет, я, наверно, никогда не забуду эту ужасную осень, – сказал папа, – как невесело, неуютно тогда было в Москве... Война, фашисты рвутся к городу. Холодно, голодно, взрослые все ходят нахмуренные, радио слушают ежечасно... Ну, все понятно, не правда ли? Мне тогда лет одиннадцать-двенадцать было, и главное, я тогда очень быстро рос, тянулся кверху, и мне все время ужасно есть хотелось. Мне совершенно не хватало еды. Я всегда просил хлеба у родителей, но у них не было лишнего, и они мне отдавали свой, а мне и этого не хватало. И я ложился спать голодный, и во сне я видел хлеб. Да что... У всех так было. История известная. Писано-переписано, читано-перечитано...

И вот однажды иду я по маленькому переулку, недалеко

от нашего дома, и вдруг вижу – стоит здоровенный грузовик, доверху заваленный арбузами. Я даже не знаю, как они в Москву попали. Какие-то заблудшие арбузы. Наверно, их привезли, чтобы по карточкам выдавать. И наверху в машине стоит дядька, худой такой, небритый и беззубый, что ли, – рот у него очень втянулся. И вот он берет арбуз и кидает его своему товарищу, а тот – продавщице в белом, а та – еще кому-то четвертому... И у них это ловко так цепочкой получается: арбуз катится по конвейеру от машины до магазина. А если со стороны посмотреть – играют люди в зелено-полосатые мячики, и это очень интересная игра. Я долго так стоял и на них смотрел, и дядька, который очень худой, тоже на меня смотрел и все улыбался мне своим беззубым ртом, славный человек. Но потом я устал стоять и уже хотел было идти домой, как вдруг кто-то в их цепочке ошибся, загляделся, что ли, или просто промахнулся, и пожалуйста – тррах!.. Тяжеленный арбузище вдруг упал на мостовую. Прямо рядом со мной. Он треснул как-то криво, вкось, и была видна белоснежная тонкая корка, а за нею такая багровая, красная мякоть с сахарными прожилками и косо поставленными косточками, как будто лукавые глазки арбуза смотрели на меня и улыбались из середины. И вот тут, когда я увидел эту чудесную мякоть и брызги арбузного сока и когда я почуял этот запах, такой свежий и сильный, только тут я понял, как мне хочется есть. Но я отвернулся и пошел домой. И не успел я отойти, вдруг слышу – зовут:

«Мальчик, мальчик!»

Я оглянулся, а ко мне бежит этот мой рабочий, который беззубый, и у него в руках разбитый арбуз. Он говорит:

«На-ка, милый, арбуз-то, тащи, дома поешь!»

И я не успел оглянуться, а он уже сунул мне арбуз и бежит на свое место, дальше разгружать. И я обнял арбуз, и еле доволок его до дому, и позвал своего дружка Вальку, и мы с ним оба слопали этот громадный арбуз. Ах, что это была за вкуснота! Передать нельзя! Мы с Валькой отрезали большие кусищи, во всю ширину арбуза, и когда кусали, то края арбузных ломтей задевали нас за уши, и уши у нас были мокрые, и с них капал розовый арбузный сок. И животы у нас с Валькой надулись и тоже стали похожи на арбузы. Если по такому животу щелкнуть пальцем, звон пойдет знаешь какой! Как от барабана. И об одном только мы жалели: что у нас нет хлеба, а то бы мы еще лучше наелись. Да...

Папа отвернулся и стал смотреть в окно.

– А потом еще хуже – завернула осень, – сказал он, – стало совсем холодно, с неба сыпал зимний, сухой и маленький снег, и его тут же сдувало сухим и острым ветром. И еды у нас стало совсем мало, и фашисты всё шли и шли к Москве, и я все время был голодный. И теперь мне снился не только хлеб. Мне еще снились и арбузы. И однажды утром я увидел, что у меня совсем уже нет живота, он просто как будто прилип к позвоночнику, и я прямо уже ни о чем не мог думать, кроме еды. И я позвал Вальку и сказал ему:

«Пойдем, Валька, сходим в тот арбузный переулочек, может быть, там опять арбузы разгружают, и, может быть, опять один упадет, и, может быть, нам его опять подарят».

И мы закутались с ним в какие-то бабушкины платки, потому что холодюга был страшный, и пошли в арбузный переулочек. На улице был серый день, людей было мало, и в Москве тихо было, не то что сейчас. В арбужном переулке и вовсе никого не было, и мы стали против магазинных дверей и ждем, когда же придет грузовик с арбузами. И уже стало совсем темнеть, а он все не приезжал. Я сказал:

«Наверно, завтра приедет...»

«Да, – сказал Валька, – наверно, завтра».

И мы пошли с ним домой. А на завтра снова пошли в переулок, и снова напрасно. И мы каждый день так ходили и ждали, но грузовик не приехал...

Папа замолчал. Он смотрел в окно, и глаза у него были такие, как будто он видит что-то такое, чего ни я, ни мама не видим. Мама подошла к нему, но папа сразу встал и вышел из комнаты. Мама пошла за ним. А я остался один. Я сидел и тоже смотрел в окно, куда смотрел папа, и мне показалось, что я прямо вот вижу папу и его товарища, как они дрогнут и ждут. Ветер по ним бьет, и снег тоже, а они дрогнут и ждут, и ждут, и ждут... И мне от этого просто жутко сделалось, и я прямо вцепился в свою тарелку и быстро, ложка за ложкой, выхлебал ее всю, и наклонил потом к себе и выпил остатки, и хлебом обтер донышко, и ложку облизал.

Одна капля убивает лошадь

Когда папа заболел, пришел доктор и сказал:

– Ничего особенного, маленькая простуда. Но я вам советую бросить курить, у вас в сердце легкий шумок.

И когда он ушел, мама сказала:

– Как это все-таки глупо – доводить себя до болезней этими проклятыми папиросами. Ты еще такой молодой, а вот уже в сердце у тебя шумы и хрипы.

– Ну, – сказал папа, – ты преувеличиваешь! У меня нет никаких особенных шумов, а тем более хрипов. Есть всего-навсего один маленький шумишко. Это не в счет.

– Нет – в счет! – воскликнула мама. – Тебе, конечно, нужен не шумишко, тебя бы больше устроили скрип, лязг и скрежет, я тебя знаю...

– Во всяком случае, мне не нужен звук пилы, – перебил ее папа.

– Я тебя не пилю, – мама даже покраснела, – но пойми ты, это действительно вредно. Ведь ты же знаешь, что одна капля папиросного яда убивает здоровую лошадь!

Вот так раз! Я посмотрел на папу. Он был большой, спору нет, но все-таки поменьше лошади. Он был побольше меня или мамы, но, как ни верти, он был поменьше лошади и даже самой захудалой коровы. Корова бы никогда не поместилась на нашем диване, а папа помещался свободно. Я очень испу-

гался. Я никак не хотел, чтобы его убивала такая капля яда. Не хотел я этого никак и ни за что. От этих мыслей я долго не мог заснуть, так долго, что не заметил, как все-таки заснул.

А в субботу папа выздоровел, и к нам пришли гости. Пришли дядя Юра с тетей Катей, Борис Михайлович и тетя Тамара. Все пришли и стали вести себя очень прилично, а тетя Тамара как только вошла, так вся завертелась, и затрещала, и уселась пить чай рядом с папой. За столом она стала окружать папу заботой и вниманием, спрашивала, удобно ли ему сидеть, не дует ли из окна, и в конце концов до того наокружалась и назаботилась, что всыпала ему в чай три ложки сахара. Папа размешал сахар, хлебнул и сморщился.

– Я уже один раз положила сахар в этот стакан, – сказала мама, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник.

А тетя Тамара расхохоталась во все горло. Она хохотала, как будто кто-то под столом кусал ее за пятки. А папа отодвинул переслащенный чай в сторону. Тогда тетя Тамара вынула из сумочки тоненький портсигарчик и подарила его папе.

– Это вам в утешение за испорченный чай, – сказала она. – Каждый раз, закуривая папироску, вы будете вспоминать эту смешную историю и ее виновницу.

Я ужасно разозлился на нее за это. Зачем она напоминает папе про курение, раз он за время болезни уже почти совсем отвык? Ведь одна капля курильного яда убивает лошадь, а она напоминает.

Я сказал:

«Вы дура, тетя Тамара! Чтоб вы лопнули! И вообще, вон из моего дома. Чтобы ноги вашей толстой больше здесь не было».

Я сказал это про себя, в мыслях, так что никто ничего не понял.

А папа взял портсигарчик и повертел его в руках.

– Спасибо, Тамара Сергеевна, – сказал папа, – я очень тронут. Но сюда не войдет ни одна моя папироска, портсигар такой маленький, а я курю «Казбек». Впрочем...

Тут папа взглянул на меня.

– Ну-ка, Денис, – сказал он, – вместо того чтобы выдувать третий стакан чаю на ночь, пойди-ка к письменному столу, возьми там коробку «Казбека» и укороти папироски, обрежь так, чтобы они влезли в портсигар. Ножницы в среднем ящике!

Я пошел к столу, нашел папиросы и ножницы, примерил портсигар и сделал всё, как он велел. А потом отнес полный портсигарчик папе. Папа открыл портсигарчик, посмотрел на мою работу, потом на меня и весело рассмеялся:

– Полюбуйтесь-ка, что сделал мой сообразительный сын!

Тут все гости стали наперебой выхватывать друг у друга портсигарчик и оглушительно хохотать. Особенно старалась, конечно, тетя Тамара. Когда она перестала смеяться, она согнула руку и костяшками пальцев постучала по моей голове.

– Как же это ты догадался оставить целыми картонные

мундштуки, а почти весь табак отрезать? Ведь курят-то именно табак, а ты его отрезал! Да что у тебя в голове – песок или опилки?

Я сказал:

«Это у тебя в голове опилки, Тамарище Семипудовое».

Сказал, конечно, в мыслях, про себя. А то бы меня мама заругала. Она и так смотрела на меня что-то уж чересчур пристально.

– Ну-ка иди сюда, – мама взяла меня за подбородок, – посмотри-ка мне в глаза!

Я стал смотреть в мамины глаза и почувствовал, что у меня щеки стали красные, как флаги.

– Ты это сделал нарочно? – спросила мама.

Я не мог ее обмануть.

– Да, – сказал я, – я это сделал нарочно.

– Тогда выйди из комнаты, – сказал папа, – а то у меня руки чешутся.

Видно, папа ничего не понял. Но я не стал ему объяснять и вышел из комнаты.

Шутка ли – одна капля убивает лошадь!

Профессор кислых щей

Мой папа не любит, когда я мешаю ему читать газеты. Но я про это всегда забываю, потому что мне очень хочется с ним поговорить. Ведь он же мой единственный отец! Мне всегда хочется с ним поговорить.

Вот он раз сидел и читал газету, а мама пришивала мне воротник к куртке.

Я сказал:

– Пап, а ты знаешь, сколько в озеро Байкал можно напихать Азовских морей?

Он сказал:

– Не мешай...

– Девяносто два! Здорово?

Он сказал:

– Здорово. Не мешай, ладно?

И снова стал читать.

Я сказал:

– Ты художника Эль Греко знаешь?

Он кивнул. Я сказал:

– Его настоящая фамилия Доменико Теотокопули! Потому что он грек с острова Крит. Вот этого художника испанцы и прозвали Эль Греко!.. Интересные дела. Кит, например, папа, за пять километров слышит!

Папа сказал:

– Помолчи хоть немного... Хотя пять минут...

Но у меня было столько новостей для папы, что я не мог удержаться. Из меня высыпались новости, прямо выскакивали одна за другой. Потому что очень уж их было много. Если бы их было поменьше, может быть, мне легче было бы перетерпеть, и я бы помолчал, но их было много, и поэтому я ничего не мог с собой поделать.

Я сказал:

– Папа! Ты не знаешь самую главную новость: на Больших Зондских островах живут маленькие буйволы. Они, папа, карликовые. Называются кентусы. Такого кентуса можно в чемодане привезти!

– Ну да? – сказал папа. – Просто чудеса! Дай спокойно почитать газету, ладно?

– Читай, читай, – сказал я, – читай, пожалуйста! Понимаешь, папа, выходит, что у нас в коридоре может пастись целое стадо таких буйволов!.. Ура?

– Ура, – сказал папа. – Замолчишь, нет?

– А солнце стоит не в центре неба, – сказал я, – а сбоку!

– Не может быть, – сказал папа.

– Даю слово, – сказал я, – оно стоит сбоку! Сбоку припека.

Папа посмотрел на меня туманными глазами. Потом глаза у него прояснились, и он сказал маме:

– Где это он нахватался? Откуда? Когда?

Мама улыбнулась:

– Он современный ребенок. Он читает, слушает радио.

Телевизор. Лекции. А ты как думал?

– Удивительно, – сказал папа, – как это быстро все получается.

И он снова укрылся за газетой, а мама его спросила:

– Чем это ты так зачитался?

– Африка, – сказал папа. – Кипит! Конец колониализму!

– Еще не конец! – сказал я.

– Что? – спросил папа.

Я подлез к нему под газету и встал перед ним.

– Есть еще зависимые страны, – сказал я. – Много еще есть зависимых.

Он сказал:

– Ты не мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор... кислых щей!

И он засмеялся, и мама вместе с ним. Она сказала:

– Ну ладно, Дениска, иди погуляй. – Она протянула мне куртку и подтолкнула меня: – Иди, иди!

Я пошел и спросил у мамы в коридоре:

– А что такое, мама, «профессор кислых щей»? В первый раз слышу такое выражение! Это он меня в насмешку так назвал – «кислых щей»? Это обидное?

Но мама сказала:

– Что ты, это нисколько не обидное. Разве папа может тебя обидеть? Это он, наоборот, тебя похвалил!

Я сразу успокоился, раз он меня похвалил, и пошел гулять. А на лестнице я вспомнил, что мне надо проведать

Аленку, а то все говорят, что она заболела и ничего не ест. И я пошел к Аленке. У них сидел какой-то дяденька, в синем костюме и с белыми руками. Он сидел за столом и разговаривал с Аленкиной мамой. А сама Аленка лежала на диване и приклеивала лошади ногу.

Когда Аленка меня увидела, она сразу заорала:

– Дениска пришел! Ого-го!

Я вежливо сказал:

– Здравствуйте! Чего орешь как дура?

И сел к ней на диван. А дяденька с белыми руками встал и сказал:

– Значит, все ясно! Воздух, воздух и воздух. Ведь она вполне здоровая девочка!

И я сразу понял, что это доктор.

Аленкина мама сказала:

– Большое спасибо, профессор! Большое спасибо, профессор!

И она пожала ему руку. Видно, это был такой хороший доктор, что он все знал и его называли за это «профессор».

Он подошел к Аленке и сказал:

– До свидания, Аленка, выздоравливай.

Она покраснела, высунула язык, отвернулась к стенке и оттуда прошептала:

– До свидания...

Он погладил ее по голове и повернулся ко мне:

– А вас как зовут, молодой человек?

Вот он какой был славный: на «вы» меня называл!

– Я Денис Кораблев! А вас как зовут?

Он взял мою руку своей белой большой и мягкой рукой. Я даже удивился, какая она мягкая. Ну прямо шелковая. И от него от всего так вкусно пахло чистотой. И он потряс мне руку и сказал:

– А меня зовут Василий Васильевич Сергеев. Профессор. Я сказал:

– Кислых щей? Профессор кислых щей?

Аленкина мама всплеснула руками. А профессор покраснел и закашлял. И они оба вышли из комнаты.

И мне показалось, что они как-то не так вышли. Как будто даже выбежали. И еще мне показалось, что я что-то не так сказал. Прямо не знаю.

А может быть, «кислых щей» – это все-таки обидное, а?

Куриный бульон

Мама принесла из магазина курицу, большую, синеватую, с длинными костлявыми ногами. На голове у курицы был большой красный гребешок. Мама повесила ее за окно и сказала:

– Если папа придет раньше, пусть сварит. Передашь?

Я сказал:

– С удовольствием!

И мама ушла в институт. А я достал акварельные краски и стал рисовать. Я хотел нарисовать белочку, как она прыгает в лесу по деревьям, и у меня сначала здорово выходило, но потом я посмотрел и увидел, что получилась вовсе не белочка, а какой-то дядька, похожий на Мойдодыра. Белкин хвост получился как его нос, а ветки на дереве как волосы, уши и шапка... Я очень удивился, как могло так получиться, и, когда пришел папа, я сказал:

– Угадай, папа, что я нарисовал?

Он посмотрел и задумался:

– Пожар?

– Ты что, папа? Ты посмотри хорошенько!

Тогда папа посмотрел как следует и сказал:

– Ах, извини, это, наверное, футбол...

Я сказал:

– Ты какой-то невнимательный! Ты, наверно, устал?

А он:

– Да нет, просто есть хочется. Не знаешь, что на обед?

Я сказал:

– Вон за окном курица висит. Свари и съешь!

Папа отцепил курицу от форточки и положил ее на стол.

– Легко сказать: вари! Сварить можно. Сварить – это ерунда. Вопрос, в каком виде нам ее съесть? Из курицы можно приготовить не меньше сотни чудесных питательных блюд. Можно, например, сделать простые куриные котлетки, а можно закатить министерский шницель – с виноградом! Я про это читал! Можно сделать такую котлету на косточке – называется «киевская» – пальчики оближешь. Можно сварить курицу с лапшой, а можно придавить ее утюгом, облить чесноком, и получится как в Грузии, «цыпленок табака». Можно, наконец...

Но я его перебил. Я сказал:

– Ты, папа, вари что-нибудь простое, без утюгов. Что-нибудь, понимаешь, самое быстрое!

Папа сразу согласился:

– Верно, сынок! Нам что важно? Поесть побыстрее! Это ты ухватил самую суть. Что же можно сварить побыстрее? Ответ простой и ясный: бульон!

Папа даже руки потер.

Я спросил:

– А ты бульон умеешь?

Но папа только засмеялся.

– А чего тут уметь? – У него даже заблестели глаза. – Бульон – это проще пареной репы: положи в воду и жди, когда сварится, вот и вся премудрость. Решено! Мы варим бульон, и очень скоро у нас будет обед из двух блюд: на первое – бульон с хлебом, на второе – курица вареная, горячая, дымящаяся. Ну-ка брось свою репинскую кисть и давай помогай!

Я сказал:

– А что я должен делать?

– Вот погляди! Видишь, на курице какие-то волоски. Ты их состриги, потому что я не люблю бульон лохматый. Ты состриги эти волоски, а я пока пойду на кухню и поставлю воду кипятить!

И он пошел на кухню. А я взял мамины ножницы и стал подстригать на курице волоски по одному. Сначала я думал, что их будет немного, но потом пригляделся и увидел, что очень много, даже чересчур. И я стал их состригать, и старался быстро стричь, как в парикмахерской, и пощелкивал ножницами по воздуху, когда переходил от волоска к волоску.

Папа вошел в комнату, поглядел на меня и сказал:

– С боков больше снимай, а то получится под бокс!

Я сказал:

– Не очень-то быстро выстригается...

Но тут папа вдруг как хлопнет себя по лбу:

– Господи! Ну и бестолковые же мы с тобой, Дениска! И как это я позабыл! Кончай стрижку! Ее нужно опалить на

огне! Понимаешь? Так все делают. Мы ее на огне подпалим, и все волоски сгорят, и не надо будет ни стрижки, ни бритья. За мной!

И он схватил курицу и побежал с нею на кухню. А я за ним. Мы зажгли новую горелку, потому что на одной уже стояла кастрюля с водой, и стали обжигать курицу на огне. Она здорово горела и пахла на всю квартиру паленой шерстью. Папа поворачивал ее с боку на бок и приговаривал:

– Сейчас, сейчас! Ох и хорошая курочка! Сейчас она у нас вся обгорит и станет чистенькая и беленькая...

Но курица, наоборот, становилась какая-то черненькая, вся какая-то обугленная, и папа наконец погасил газ.

Он сказал:

– По-моему, она как-то неожиданно прокоптилась. Ты любишь копченую курицу?

Я сказал:

– Нет. Это она не прокоптилась, просто она вся в саже. Давай-ка, папа, я ее вымою.

Он прямо обрадовался.

– Ты молодец! – сказал он. – Ты сообразительный. Это у тебя хорошая наследственность. Ты весь в меня. Ну-ка, дружок, возьми эту трубочистовую курицу и вымой ее хорошенько под краном, а то я уже устал от этой возни.

И он уселся на табурет. А я сказал:

– Сейчас, я ее мигом!

И я подошел к раковине и пустил воду, поставил под нее

нашу курицу и стал тереть ее правой рукой изо всех сил. Курица была очень горячая и жутко грязная, и я сразу запачкал свои руки до самых локтей. Папа покачивался на табурете.

– Вот, – сказал я, – что ты, папа, с ней наделал. Совершенно не отстирывается. Сажи очень много.

– Пустяки, – сказал папа, – сажа только сверху. Не может же она вся состоять из сажи? Подожди-ка!

И папа пошел в ванную и принес мне оттуда большой кусок земляничного мыла.

– На, – сказал он, – мой как следует! Намыливай!

И я стал намыливать эту несчастную курицу. У нее стал какой-то совсем уже дохловатый вид. Я довольно здорово ее намылил, но она очень плохо отмыливалась, с нее стекала грязь, стекала уже, наверно, с полчаса, но чище она не становилась.

Я сказал:

– Этот проклятый петух только размазывается от мыла.

Тогда папа сказал:

– Вот щетка! Возьми-ка потри ее хорошенько! Сначала спинку, а уж потом все остальное.

Я стал тереть. Я тер изо всех сил, в некоторых местах даже протирал кожу. Но мне все равно было очень трудно, потому что курица вдруг словно оживела и начала вертеться у меня в руках, скользить и каждую секунду норовила выскочить. А папа все не сходил со своей табуретки и все командовал:

– Крепче три! Ловчее! Держи за крылья! Эх ты! Да ты, я

вижу, совсем не умеешь мыть курицу.

Я тогда сказал:

– Пап, ты попробуй сам!

И я протянул ему курицу. Но он не успел ее взять, как вдруг она выпрыгнула у меня из рук и ускакала под самый дальний шкафчик. Но папа не растерялся. Он сказал:

– Поддай швабру!

И когда я подал, папа стал шваброй выгребать ее из-под шкафа. Он сначала оттуда выгреб старую мышеловку, потом моего прошлогоднего оловянного солдатика, и я ужасно обрадовался, ведь я думал, что совсем потерял его, а он тут как тут, мой дорогой.

Потом папа вытащил наконец курицу. Она была вся в пыли. А папа был весь красный. Но он ухватил ее за лапку и поволок опять под кран. Он сказал:

– Ну, теперь держись. Синяя птица.

И он довольно чисто ее прополоскал и положил в кастрюлю. В это время пришла мама. Она сказала:

– Что тут у вас за разгром?

А папа вздохнул и сказал:

– Курицу варим.

Мама сказала:

– Давно?

– Только сейчас окунули, – сказал папа.

Мама сняла с кастрюльки крышку.

– Солили? – спросила она.

– Потом, – сказал папа, – когда сварится.

Но мама понюхала кастрюльку.

– Потрошили? – сказала она.

– Потом, – сказал папа, – когда сварится.

Мама вздохнула и вынула курицу из кастрюльки. Она сказала:

– Дениска, принеси мне фартук, пожалуйста. Придется все за вас доделывать, горе-повара.

А я побежал в комнату, взял фартук и захватил со стола свою картинку. Я отдал маме фартук и спросил ее:

– Ну-ка, что я нарисовал? Угадай, мама!

Мама посмотрела и сказала:

– Швейная машинка? Да?

Кот в сапогах

– Мальчики и девочки! – сказала Раиса Ивановна. – Вы хорошо закончили эту четверть. Поздравляю вас. Теперь можно и отдохнуть. На каникулах мы устроим утренник и карнавал. Каждый из вас может нарядиться в кого угодно, а за лучший костюм будет выдана премия, так что готовьтесь. – И Раиса Ивановна собрала тетрадки, попрощалась с нами и ушла.

И когда мы шли домой, Мишка сказал:

– Я на карнавале буду гномом. Мне вчера купили накидку от дождя и капюшон. Я только лицо чем-нибудь занавешу, и гном готов. А ты кем нарядишься?

– Там видно будет.

И я забыл про это дело. Потому что дома мама мне сказала, что она уезжает в санаторий на десять дней и чтоб я тут вел себя хорошо и следил за папой. И она на другой день уехала, а я с папой совсем замучился. То одно то другое, и на улице шел снег, и все время я думал, когда же мама вернется. Я зачеркивал клеточки на своем календаре.

И вдруг неожиданно прибегает Мишка и прямо с порога кричит:

– Идешь ты или нет?

Я спрашиваю:

– Куда?

Мишка кричит:

– Как – куда? В школу! Сегодня же утренник, и все будут в костюмах! Ты что, не видишь, что я уже гномик?

И правда, он был в накидке с капюшончиком.

Я сказал:

– У меня нет костюма! У нас мама уехала.

А Мишка говорит:

– Давай чего-нибудь придумаем! Ну-ка, что у вас дома есть почудней? Ты надень на себя, вот и будет костюм для карнавала.

Я говорю:

– Ничего у нас нет. Вот только папины бахилы для рыбалки.

Бахилы – это такие высокие резиновые сапоги. Если дождик или грязь – первое дело бахилы. Нипочем ноги не промочишь.

Мишка говорит:

– А ну надевай, посмотрим, что получится!

Я прямо с ботинками влез в папины сапоги. Оказалось, что бахилы доходят мне чуть не до подмышек. Я попробовал в них походить. Ничего, довольно неудобно. Зато здорово блестят. Мишке очень понравилось. Он говорит:

– А шапку какую?

Я говорю:

– Может быть, мамину соломенную, что от солнца?

– Давай ее скорей!

Достал я шляпу, надел. Оказалось, немножко великовата, съезжает до носа, но все-таки на ней цветы.

Мишка посмотрел и говорит:

– Хороший костюм. Только я не понимаю, что он значит.

Я говорю:

– Может быть, он значит «мухомор»?

Мишка засмеялся:

– Что ты, у мухомора шляпка вся красная! Скорей всего, твой костюм обозначает «старый рыбак»!

Я замахал на Мишку:

– Сказал тоже! «Старый рыбак»!.. А борода где?

Тут Мишка задумался, а я вышел в коридор, а там стояла наша соседка Вера Сергеевна. Она, когда меня увидела, всплеснула руками и говорит:

– Ох! Настоящий кот в сапогах!

Я сразу догадался, что значит мой костюм! Я – «Кот в сапогах»! Только жалко, хвоста нет!

Я спрашиваю:

– Вера Сергеевна, у вас есть хвост?

А Вера Сергеевна говорит:

– Разве я очень похожа на черта?

– Нет, не очень, – говорю я. – Но не в этом дело. Вот вы сказали, что этот костюм значит «Кот в сапогах», а какой же кот может быть без хвоста? Нужен какой-нибудь хвост! Вера Сергеевна, помогите, а?

Тогда Вера Сергеевна сказала:

– Одну минуточку...

И вынесла мне довольно драненький рыжий хвостик с черными пятнами.

– Вот, – говорит, – это хвост от старой горжетки. Я в последнее время прочищаю им керогаз, но, думаю, тебе он вполне подойдет.

Я сказал «большое спасибо» и понес хвост Мишке.

Мишка как увидел его, говорит:

– Давай быстренько иголку с ниткой, я тебе пришью. Это чудный хвостик.

И Мишка стал пришивать мне сзади хвост. Он шил довольно ловко, но потом вдруг ка-ак уколёт меня!

Я закричал:

– Потихе ты, храбрый портняжка! Ты что, не чувствуешь, что шьешь прямо по живому? Ведь колешь же!

– Это я немножко не рассчитал! – И опять как кольнет!

– Мишка, рассчитывай получше, а то я тебя тресну!

А он:

– Я в первый раз в жизни шью!

И опять – коль!...

Я прямо заорал:

– Ты что, не понимаешь, что я после тебя буду полный инвалид и не смогу сидеть?

Но тут Мишка сказал:

– Ура! Готово! Ну и хвостик! Не у каждой кошки есть такой!

Тогда я взял тушь и кисточкой нарисовал себе усы, по три уса с каждой стороны – длинные-длинные, до ушей!

И мы пошли в школу.

Там народу было видимо-невидимо, и все в костюмах. Одних гномов было человек пятьдесят. И еще было очень много белых снежинок. Это такой костюм, когда вокруг много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка.

И мы все очень веселились и танцевали.

И я тоже танцевал, но все время спотыкался и чуть не падал из-за больших сапог, и шляпа тоже, как назло, постоянно съезжала почти до подбородка.

А потом наша вожатая Люся вышла на сцену и сказала звонким голосом:

– Просим «Кота в сапогах» выйти сюда для получения первой премии за лучший костюм!

И я пошел на сцену, и когда входил на последнюю ступеньку, то споткнулся и чуть не упал. Все громко засмеялись, а Люся пожала мне руку и дала две книжки: «Дядю Степу» и «Сказки-загадки». Тут Борис Сергеевич заиграл туш, а я пошел со сцены. И когда сходил, то опять споткнулся и чуть не упал, и опять все засмеялись.

А когда мы шли домой, Мишка сказал:

– Конечно, гномов много, а ты один!

– Да, – сказал я, – но все гномы были так себе, а ты был очень смешной, и тебе тоже надо книжку. Возьми у меня одну.

Мишка сказал:

– Не надо, что ты!

Я спросил:

– Ты какую хочешь?

– «Дядю Степу».

И я дал ему «Дядю Степу».

А дома я скинул свои огромные бахилы, и побежал к календарю, и зачеркнул сегодняшнюю клеточку. А потом зачеркнул уж и завтрашнюю.

Посмотрел – а до маминого приезда осталось три дня!

Рыцари

Когда репетиция хора мальчиков окончилась, учитель пения Борис Сергеевич сказал:

– Ну-ка расскажите, кто из вас что подарил маме на Восьмое марта? Ну-ка ты, Денис, докладывай.

– Я маме на Восьмое марта подарил подушечку для иголок. Красивую. На лягушку похожа. Три дня шил, все пальцы исколол. Я две такие сшил.

А Мишка добавил:

– Мы все по две сшили. Одну – маме, а другую – Раисе Ивановне.

– Это почему же все? – спросил Борис Сергеевич. – Вы что, так сговорились, чтобы всем шить одно и то же?

– Да нет, – сказал Валерка, – это у нас в кружке «Умелые руки» – мы подушечки проходим. Сперва проходили чертиков, а теперь подушечки.

– Каких еще чертиков? – удивился Борис Сергеевич.

Я сказал:

– Пластилиновых! Наши руководители Володя и Толя из восьмого класса полгода с нами чертиков проходили. Как придут, так сейчас: «Лепите чертиков!» Ну, мы лепим, а они в шахматы играют.

– С ума сойти, – сказал Борис Сергеевич. – Подушечки! Придется разобраться! Стойте! – И он вдруг весело рассме-

ялся. – А сколько у вас мальчишек в первом «В»?

– Пятнадцать, – сказал Мишка, – а девочек – двадцать пять.

Тут Борис Сергеевич прямо покотился со смеху. А я сказал:

– У нас в стране вообще женского населения больше, чем мужского.

Но Борис Сергеевич отмахнулся от меня.

– Я не про то. Просто интересно посмотреть, как Раи-са Ивановна получает пятнадцать подушечек в подарок! Ну ладно, слушайте: кто из вас собирается поздравить своих мам с Первым мая?

Тут пришла наша очередь смеяться. Я сказал:

– Вы, Борис Сергеевич, наверное, шутите, не хватало еще и на май поздравлять.

– А вот и неправильно, именно что необходимо поздравить с маем своих мам. А это некрасиво: только раз в году поздравлять. А если каждый праздник поздравлять – это будет по-рыцарски. Ну, кто знает, что такое рыцарь?

Я сказал:

– Он на лошади и в железном костюме.

Борис Сергеевич кивнул.

– Да, так было давно. И вы, когда подрастете, прочтете много книжек про рыцарей, но и сейчас, если про кого говорят, что он рыцарь, то это, значит, имеется в виду благородный, самоотверженный и великодушный человек. И я ду-

маю, что каждый пионер должен обязательно быть рыцарем. Поднимите руки, кто здесь рыцарь?

Мы все подняли руки.

– Я так и знал, – сказал Борис Сергеевич, – идите, рыцари!

Мы пошли по домам. А по дороге Мишка сказал:

– Ладно уж, я маме конфет куплю, у меня деньги есть.

И вот я пришел домой, а дома никого нету. И меня даже досада взяла. Вот в кои-то веки захотел быть рыцарем, так денег нет! А тут, как назло, прибежал Мишка, в руках нарядная коробочка с надписью: «Первое мая». Мишка говорит:

– Готово, теперь я рыцарь за двадцать две копейки. А ты что сидишь?

– Мишка, ты рыцарь? – сказал я.

– Рыцарь, – говорит Мишка.

– Тогда дай взаймы.

Мишка огорчился:

– Я всё истратил до копейки.

– Что же делать?

– Поискать, – говорит Мишка, – ведь двадцать копеек – маленькая монетка, может, куда завалилась хоть одна, давай поищем.

И мы всю комнату облазили – и за диваном, и под шкафом, и я все туфли мамины перетряхнул, и даже в пудре у нее пальцем поковырял. Нету нигде.

Вдруг Мишка раскрыл буфет:

– Стой, а это что такое?

– Где? – говорю я. – Ах, это бутылки. Ты что, не видишь? Здесь два вина: в одной бутылке – черное, а в другой – желтое. Это для гостей, к нам завтра гости придут.

Мишка говорит:

– Эх, пришли бы ваши гости вчера, и были бы у тебя деньги.

– Это как?

– А бутылки, – говорит Мишка, – да за пустые бутылки деньги дают. На углу. Называется «Прием стеклотары»!

– Что же ты раньше молчал! Сейчас мы это дело уладим. Давай банку из-под компота, вон на окне стоит.

Мишка протянул мне банку, а я открыл бутылку и вылил черновато-красное вино в банку.

– Правильно, – сказал Мишка. – Что ему сделается?..

– Ну конечно, – сказал я. – А куда вторую?

– Да сюда же, – говорит Мишка, – не все равно? И это вино, и то вино.

– Ну да, – сказал я. – Если бы одно было вино, а другое керосин, тогда нельзя, а так, пожалуйста, еще лучше. Держи банку.

И мы вылили туда и вторую бутылку. Я сказал:

– Ставь ее на окно! Так. Прикрой блюдечком, а теперь бежим!

И мы припустились. За эти две бутылки нам дали двадцать четыре копейки. И я купил маме конфет. Мне еще две копейки сдачи дали. Я пришел домой веселый, потому что я

стал рыцарем, и, как только мама с папой пришли, я сказал:

– Мам, я теперь рыцарь. Нас Борис Сергеевич научил!

Мама сказала:

– Ну-ка Расскажи!

Я рассказал, что завтра я маме сделаю сюрприз. Мама сказала:

– А где же ты денег достал?

– Я, мам, пустую посуду сдал. Вот две копейки сдачи.

Тут папа сказал:

– Молодец! Давай-ка мне две копейки на автомат!

Мы сели обедать. Потом папа откинулся на спинку стула и улыбнулся:

– Компотику бы.

– Извини, я сегодня не успела, – сказала мама.

Но папа подмигнул мне:

– А это что? Я давно уже заметил.

И он подошел к окну, снял блюдечко и хлебнул прямо из банки. Но тут что было! Бедный папа кашлял так, как будто он выпил стакан гвоздей. Он закричал не своим голосом:

– Что это такое? Что это за отравка?!

Я сказал:

– Папа, не пугайся! Это не отравка. Это два твоих вина!

Тут папа немножко пошатнулся и побледнел.

– Какие два вина?! – закричал он громче прежнего.

– Черное и желтое, – сказал я, – что стояли в буфете. Ты, главное, не пугайся.

Папа побежал к буфету и распахнул дверцу. Потом он заморгал глазами и стал растирать себе грудь. Он смотрел на меня с таким удивлением, будто я был не обыкновенный мальчик, а какой-нибудь синенький или в крапинку. Я сказал:

– Ты что, папа, удивляешься? Я вылил твои два вина в банку, а то где бы я взял пустую посуду? Сам подумай!

Мама вскрикнула:

– Ой!

И упала на диван. Она стала смеяться, да так сильно, что я думал, ей станет плохо. Я ничего не мог понять, а папа закричал:

– Хохочете? Что ж, хохочите! А между прочим, этот ваш рыцарь сведет меня с ума, но лучше я его раньше выдеру, чтобы он забыл раз и навсегда свои рыцарские манеры.

И папа стал делать вид, что он ищет ремень.

– Где он? – кричал папа. – Подайте мне сюда этого Айвенго! Куда он провалился?

А я был за шкафом. Я уже давно был там на всякий случай. А то папа что-то сильно волновался. Он кричал:

– Слыханное ли дело выливать в банку коллекционный черный «Мускат» урожая 1954 года и разбавлять его жигулевским пивом?!

А мама изнемогала от смеха. Она еле-еле проговорила:

– Ведь это он... из лучших побуждений... Ведь он же... рыцарь... Я умру от смеха.

И она продолжала смеяться.

А папа еще немного пометался по комнате и потом ни с того ни с сего подошел к маме. Он сказал:

– Как я люблю твой смех.

И наклонился и поцеловал маму.

И я тогда спокойно вылез из-за шкафа.

Ничего изменить нельзя

Я давно уже заметил, что взрослые задают маленьким очень глупые вопросы. Они как будто сговорились. Получается так, словно они все выучили одинаковые вопросы и задают их всем ребятам подряд. Я так к этому делу привык, что наперед знаю, как все произойдет, если я познакомлюсь с каким-нибудь взрослым. Это будет так.

Вот раздастся звонок, мама откроет дверь, кто-то будет долго гудеть что-то непонятное, потом в комнату войдет новый взрослый. Он будет потирать руки. Потом уши, потом очки. Когда он их наденет, то увидит меня, и хотя он давным-давно знает, что я живу на этом свете, и прекрасно знает, как меня зовут, он все-таки схватит меня за плечи, сожмет их довольно-таки больно, притянет меня к себе и скажет:

«Ну, Денис, как тебя зовут?»

Конечно, если бы я был невежливый человек, я бы ему сказал:

«Сами знаете! Ведь вы только сейчас назвали меня по имени, зачем же вы несете несуразицу?»

Но я вежливый. Поэтому я притворюсь, что не расслышал ничего такого, я просто криво улыбнусь и, отведя в сторону глаза, отвечу:

«Денисом».

Он с ходу спросит дальше:

«А сколько тебе лет?»

Как будто не видит, что мне не тридцать и даже не сорок! Ведь видит же, какого я роста, и, значит, должен понять, что мне самое большее семь, ну восемь от силы, — зачем же тогда спрашивать? Но у него свои, взрослые взгляды и привычки, и он продолжает приставать:

«А? Сколько же тебе лет? А?»

Я ему скажу:

«Семь с половиной».

Тут он расширит глаза и схватится за голову, как будто я сообщил, что мне вчера стукнуло сто шестьдесят один. Он прямо застонет, словно у него три зуба болят:

«Ой-ой-ой! Семь с половиной! Ой-ой-ой!»

Но чтобы я не заплакал от жалости к нему и понял, что это шутка, он перестанет стонать. Он двумя пальцами довольно-таки больно ткнет меня в живот и бодро воскликнет:

«Скоро в армию! А?»

А потом вернется к началу игры и скажет маме с папой, покачивая головой:

«Что делается, что делается! Семь с половиной! Уже! — И, обернувшись ко мне, добавит: — А я тебя вот такусеньким знал!»

И он отмерит в воздухе сантиметров двадцать. Это в то время, когда я точно знаю, что во мне был пятьдесят один сантиметр в длину. У мамы даже такой документ есть. Офи-

циальный. Ну, на этого взрослого я не обижаюсь. Все они такие. Вот и сейчас я твердо знаю, что ему положено задуматься. И он задумается. Железно. Он повесит голову на грудь, словно заснул. А тут я начну потихоньку вырываться из его рук. Но не тут-то было. Просто взрослый вспомнит, какие там у него еще вопросы завалялись в кармане, он их вспомнит и наконец, радостно улыбаясь, спросит:

«Ах да! А кем ты будешь? А? Кем ты хочешь быть?»

Я-то, честно говоря, хочу заняться спелеологией, но я понимаю, что новому взрослому это будет скучно, непонятно, это ему будет непривычно, и, чтобы не сбивать его с толку, я ему отвечу:

«Я хочу быть мороженщиком. У него всегда мороженого сколько хочешь».

Лицо нового взрослого сразу посветлеет. Все в порядке, все идет так, как ему хотелось, без отклонений от нормы. Поэтому он хлопнет меня по спине (довольно-таки больно) и снисходительно скажет:

«Правильно! Так держать! Молодец!»

И тут я по своей наивности думаю, что это уже все, конец, и начну немного посмелее отодвигаться от него, потому что мне некогда, у меня еще уроки не приготовлены и вообще тысяча дел, но он заметит эту мою попытку освободиться и подавит ее в корне, он зажмет меня ногами и закогтит руками, то есть, попросту говоря, он применит физическую силу, и, когда я устану и перестану трепыхаться, он задаст мне

главный вопрос.

«А скажи-ка, друг ты мой... – скажет он, и коварство, как змея, проползет в его голосе, – скажи-ка, кого ты больше любишь? Папу или маму?»

Бестактный вопрос. Тем более что задан он в присутствии обоих родителей. Придется ловчить.

«Михаила Таля», – скажу я.

Он захохочет. Его почему-то веселят такие кретинские ответы. Он повторит раз сто:

«Михаила Талья! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Каково, а? Ну? Что вы скажете на это, счастливые родители?»

И будет смеяться еще полчаса, и папа и мама будут смеяться тоже. И мне будет стыдно за них и за себя. И я дам себе клятву, что потом, когда кончится этот ужас, я как-нибудь незаметно для папы поцелую маму, незаметно для мамы поцелую папу. Потому что я люблю их одинаково обоим, одинаково!! Клянусь своей белой мышкой! Ведь это так просто. Но взрослых это почему-то не удовлетворяет. Несколько раз я пробовал честно и точно ответить на этот вопрос, и всегда я видел, что взрослые недовольны ответом, у них наступало какое-то разочарование, что ли. У всех у них в глазах как будто бывает написана одна и та же мысль, приблизительно такая: «У-у-у... Какой банальный ответ! Он любит папу и маму одинаково! Какой скучный мальчик!»

Потому я и совру им про Михаила Талья, пусть посмеются, а я пока попробую снова вырваться из стальных объятий мо-

его нового знакомого! Куда там, видно, он поздоровее Юрия Власова. И сейчас он мне задаст еще один вопросик. Но по его тону я догадываюсь, что дело идет к концу. Это будет самый смешной вопрос, вроде бы на сладкое. Сейчас его лицо изобразит сверхъестественный испуг.

«А ты сегодня почему не мылся?»

Я мылся, конечно, но я прекрасно понимаю, куда он клонит.

И как им не надоест эта старая, заезженная игра?

Чтобы не тянуть волынку, я схвачусь за лицо.

«Где?! – вскрикну я. – Что?! Где?!»

Точно! Прямое попадание! Взрослый мгновенно произнесет свою старомодную муру.

«А глазки? – скажет он лукаво. – Почему такие черные глазки? Их надо отмыть! Иди сейчас же в ванную!»

И он наконец-то отпустит меня! Я свободен и могу приниматься за дела.

Ох и трудненько достаются мне эти новые знакомства! Но что поделать? Все дети проходят через это! Не я первый, не я последний...

Тут ничего изменить нельзя.

Старый мореход

Марья Петровна часто ходит к нам чай пить. Она вся такая полная, платье на нее натянуто тесно, как наволочка на подушку. У нее в ушах разные сережки болтаются. И душит-ся она чем-то сухим и сладким. Я когда этот запах слышу, так у меня сразу горло сжимается. Марья Петровна всегда как только меня увидит, так сразу начинает приставать: кем я хочу быть. Я ей уже пять раз объяснял, а она все продолжает задавать один и тот же вопрос. Чудная. Она когда первый раз к нам пришла, на дворе была весна, деревья все распустились, и в окна пахло зеленыю, и хотя был уже вечер, все равно было светло. И вот мама стала меня посылать спать, и, когда я не хотел ложиться, эта Марья Петровна вдруг говорит:

— Будь умницей, ложись спать, а в следующее воскресенье я тебя на дачу возьму, на Клязьму. Мы на электричке поедем. Там речка есть и собака, и мы на лодке покатаемся все втроем.

И я сразу лег, и укрылся с головой, и стал думать о следующем воскресенье, как я поеду на дачу, и пробежусь босиком по траве, и увижу речку, и, может быть, мне дадут погresti, и уключины будут звенеть, и вода будет булькать, и с весел в воду будут стекать капли, прозрачные как стекло. И я подружусь там с собачонкой, Жучкой или Тузиком, и буду

смотреть в его желтые глаза, и потрогаю его язык, когда он его высунет от жары.

И я так лежал, и думал, и слышал смех Марьи Петровны, и незаметно заснул, и потом целую неделю, когда ложился спать, думал все то же самое. И когда наступила суббота, я почистил ботинки и зубы, и взял свой перочинный ножик, и наточил его о плиту, потому что мало ли какую я палку себе вырежу, может быть, даже ореховую.

А утром я встал раньше всех и оделся и стал ждать Марию Петровну. Папа, когда позавтракал и прочитал газеты, сказал:

– Пошли, Дениска, на Чистые, погуляем!

– Что ты, папа! А Мария Петровна? Она сейчас приедет за мной, и мы отправимся на Клязьму. Там собака и лодка. Я ее должен подождать.

Папа помолчал, потом посмотрел на маму, потом пожал плечами и стал пить второй стакан чаю. А я быстро дозавтракал и вышел во двор. Я гулял у ворот, чтобы сразу увидеть Марию Петровну, когда она придет. Но ее что-то долго не было. Тогда ко мне подошел Мишка, он сказал:

– Слазим на чердак! Посмотрим, родились голубята или нет...

– Понимаешь, не могу... Я на денек в деревню уезжаю. Там собака есть и лодка. Сейчас за мной одна тетенька приедет, и мы поедем с ней на электричке.

Тогда Мишка сказал:

– Вот это да! А может, вы и меня захватите?

Я очень обрадовался, что Мишка тоже согласен ехать с нами, все-таки мне с ним куда интереснее будет, чем только с одной Марьей Петровной. Я сказал:

– Какой может быть разговор! Конечно, мы тебя возьмем, с удовольствием! Марья Петровна добрая, чего ей стоит!

И мы стали вдвоем ждать с Мишкой. Мы вышли в переулок и долго стояли и ждали, и, когда появлялась какая-нибудь женщина, Мишка обязательно спрашивал:

– Эта?

И через минуту снова:

– Вон та?

Но это всё были незнакомые женщины, и нам стало скучно, и мы устали так долго ждать.

Мишка рассердился и сказал:

– Мне надоело!

И ушел. А я ждал. Я хотел ее дождаться. Я ждал до самого обеда. Во время обеда папа опять сказал, как будто между прочим:

– Так идешь на Чистые? Давай решай, а то мы с мамой пойдем в кино!

Я сказал:

– Я подожду. Ведь я обещал ей подождать. Не может она не прийти.

Но она не пришла. А я не был в этот день на Чистых прудах и не посмотрел на голубей, и папа, когда пришел из ки-

но, велел мне уходить от ворот. Он обнял меня за плечи и сказал, когда мы шли домой:

– Это все еще будет в твоей жизни. И трава, и речка, и лодка, и собака... Все будет, держи нос повыше!

Но я, когда лег спать, я все равно стал думать про деревню, лодку и собачонку, только как будто я там не с Марьей Петровной гуляю, а с Мишкой и с папой или с Мишкой и мамой. И время потекло, оно проходило, и я почти совсем забыл про Марию Петровну, как вдруг однажды, пожалуйста! Дверь растворяется, и она входит собственной персоной. И сережки в ушах звяк-звяк, и с мамой чмок-чмок, и на всю квартиру пахнет чем-то сухим и сладким, и все садятся за стол и начинают пить чай. Но я не вышел к Марье Петровне, я сидел за шкафом, потому что я сердился на Марию Петровну.

А она сидела как ни в чем не бывало, вот что было удивительно! И когда она напилась своего любимого чаю, она вдруг ни с того ни с сего заглянула за шкаф и схватила меня за подбородок.

– Ты что такой угрюмый?

– Ничего, – сказал я.

– Давай вылезай, – сказала Мария Петровна.

– Мне и здесь хорошо! – сказал я.

Тогда она захохотала, и все на ней брякало от смеха, а когда отсмеялась, сказала:

– А чего я тебе подарю...

Я сказал:

– Ничего не надо!

Она сказала:

– Саблю не надо?

Я сказал:

– Какую?

– Буденновскую. Настоящую. Кривую.

Вот это да! Я сказал:

– А у вас есть?

– Есть, – сказала она.

– А она вам не нужна? – спросил я.

– А зачем? Я женщина, военному делу не училась, зачем мне сабля? Лучше я тебе ее подарю.

И было видно по ней, что ей нисколько не жаль сабли. Я даже поверил, что она и на самом деле добрая. Я сказал:

– А когда?

– Да завтра, – сказала она. – Вот завтра придешь после школы, а сабля – здесь. Вот здесь, я ее тебе прямо на кровать положу.

– Ну ладно, – сказал я и вылез из-за шкафа, и сел за стол, и тоже пил с ней чай и проводил ее до дверей, когда она уходила.

И на другой день в школе я еле досидел до конца уроков побежал домой сломя голову. Я бежал и размахивал рукой – в ней у меня была невидимая сабля, и я рубил и колол фашистов, и защищал черных ребят в Африке, и перерубил всех

врагов Кубы. Я из них прямо капусты нарубил. Я бежал, а дома меня ждала сабля, настоящая буденновская сабля, и я знал, что в случае чего я сразу запишусь в добровольцы, и, раз у меня есть собственная сабля, меня обязательно примут. И когда я вбежал в комнату, я сразу бросился к своей раскладушке. Сабли не было. Я посмотрел под подушку, пошарил под одеялом и заглянул под кровать. Сабли не было. Не было сабли. Марья Петровна не сдержала слова. И сабли не было нигде. И не могло быть.

Я подошел к окну. Мама сказала:

– Может быть, она еще придет?

Но я сказал:

– Нет, мама, она не придет. Я так и знал.

Мама сказала:

– Зачем же ты под раскладушку-то лазил?..

Я объяснил ей:

– Я подумал: а вдруг она была? Понимаешь? Вдруг. На этот раз.

Мама сказала:

– Понимаю. Иди поешь.

И она подошла ко мне. А я поел и снова встал у окна. Мне не хотелось идти во двор.

А когда пришел папа, мама ему все рассказала, и он позвал меня к себе. Он снял со своей полки какую-то книгу и сказал:

– Давай-ка, брат, почитаем чудесную книжку про собаку.

Называется «Майкл – брат Джерри». Джек Лондон написал.

И я быстро устроился возле папы, и он стал читать. Он хорошо читает, просто здорово! Да и книжка была ценная. Я в первый раз слушал такую интересную книжку. Приключения собаки. Как ее украл один боцман. И они поехали на корабле искать клады. А корабль принадлежал трем богачам. Дорогу им указывал Старый Мореход, он был больной и одинокий старик, он говорил, что знает, где лежат несметные сокровища, и обещал этим трем богачам, что они получают каждый целую кучу алмазов и брильянтов, и эти богачи за эти обещания кормили Старого Морехода. А потом вдруг выяснилось, что корабль не может доехать до места, где клады, из-за нехватки воды. Это тоже подстроил Старый Мореход. И пришлось богачам ехать обратно несолоно хлебавши. Старый Мореход этим обманом добывал себе пропитание, потому что он был израненный бедный старик.

И когда мы окончили эту книжку и снова стали ее всю вспоминать, с самого начала, папа вдруг засмеялся и сказал:

– А этот-то хорош, Старый Мореход! Да он просто обманщик, вроде твоей Марьи Петровны.

Но я сказал:

– Что ты, папа! Совсем не похоже. Ведь Старый Мореход обманывал, чтобы спасти свою жизнь. Ведь он же одинокий был, больной. А Марья Петровна? Разве она больная?

– Здоровая, – сказал папа.

– Ну да, – сказал я. – Ведь если бы Старый Мореход не

врал, он бы умер, бедняга, где-нибудь в порту, прямо на голых камнях, между ящиками и тюками, под ледяным ветром и проливным дождем. Ведь у него не было крова над головой! А у Марьи Петровны чудесная комната – восемнадцать метров, со всеми удобствами. И сколько у нее сережек, побрякушек и цепочек!

– Потому что она мещанка, – сказал папа.

И я хотя и не знал, что такое «мещанка», но я понял по папиному голосу, что это что-то скверное, и я ему сказал:

– А Старый Мореход был благородный: он спас своего больного друга, боцмана, – это раз. И ты еще подумай, папа, ведь он обманывал только проклятых богачей, а Марья Петровна – меня. Объясни, зачем она меня-то обманывает? Разве я богач?

– Да забудь ты, – сказала мама, – не стоит так переживать!

А папа посмотрел на нее и покачал головой и замолчал. И мы лежали вдвоем на диване и молчали, и мне было тепло рядом с ним, и я захотел спать, но перед самым сном я все-таки подумал:

«Нет, эту ужасную Марью Петровну нельзя даже и сравнивать с таким человеком, как мой милый, добрый Старый Мореход!»

Друг детства

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

– Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полоски для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду

весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я все это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга – просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колоутили уже тяжелую кожаную «грушу» – такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагледлся на все на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать в случае чего.

Я сказал папе:

– Папа, купи мне грушу!

– Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

– Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!

– А тебе зачем? – сказал папа.

– Тренироваться, – сказал я. – Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?

– Сколько же стоит такая груша? – поинтересовался папа.

– Пустяки какие-нибудь, – сказал я. – Рублей десять или пятьдесят.

– Ты спятил, братец, – сказал папа. – Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

– Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлепкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здорового плюшевого мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

– Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный – желтый стеклянный, а другой большой белый – из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдается...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

– Ты что, – сказала мама, она уже вернулась из коридора. – Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

– Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

Гусиное горло

Когда мы сели обедать, я сказал:

– А я сегодня в гости пойду. К Мишке. На день рождения.

– Ну да? – сказал папа. – Сколько же ему стукнуло?

– Девять, – ответил я. – Ему девять лет, папа, стукнуло.

Теперь десятый год пошел.

– Как бежит время, – вздохнула мама. – Давно ли он лежал на подоконнике в ящике от комода, а вот пожалуйста, уже девять лет!

– Ну что ж, – разрешил папа, – сходи, поздравь юбиляра. Ну-ка, расскажи, а что ты подаришь своему дружку в этот памятный день?

– Есть подарочек, – сказал я, – Мишка будь здоров обрадуется...

– Что же именно? – спросила мама.

– Гусиное горло! – сказал я. – Сегодня Вера Сергеевна гуся потрошила, и я у нее выпросил гусиное горло, чтобы Мишке подарить.

– Покажи, – сказал папа.

Я вытащил из кармана гусиное горло. Оно было уже вымытое, очищенное, прямо загляденье, но оно было еще сыроватое, недосушенное, и мама вскочила и закричала:

– Убери сейчас же эту мерзость! Ужас!

А папа сказал:

– А зачем оно нужно? И почему оно скользкое?

– Оно еще сырое. А я его высушу как следует и сверну в колечко. Видишь? Вот так.

Я показал папе. Он смотрел внимательно.

– Видишь? – говорил я. – Узкую горловину я всуну в широкую, брошу туда горошинок штук пять, оно когда высохнет, знаешь как будет греметь! Первый сорт!

Папа улыбнулся:

– Ничего подарочек... Ну-ну!

А я сказал:

– Не беспокойся. Мишке понравится. Я его знаю.

Но папа встал и подошел к вешалке. Он там порылся в карманах.

– На-ка, – он протянул мне монетки, – вот тебе немного денег. купи Мишке конфет. А это от меня добавка. – И папа отвинтил от своего пиджака чудесный голубой значок «Спутник».

Я сказал:

– Ура! Мишка будет на седьмом небе. У него теперь от меня целых три подарка. Значок, конфеты и гусиное горло. Это всякий бы обрадовался!

Я взял гусиное горло и положил его на батарею досушиться. Мама сказала:

– Вымой руки и ешь!

И мы стали дальше обедать, и я ел рассольник и потихоньку стонал от удовольствия. И вдруг мама положила ложку и

сказала ни с того ни с сего:

– Прямо не знаю, пускать его в гости или нет?

Вот тебе раз! Гром среди ясного неба!

Я сказал:

– А почему?

И папа тоже:

– В чем дело-то?

– Он нас там опозорит. Он совершенно не умеет есть. Стонет, хлебает, ложкой везет... Кошмар!

– Ничего, – сказал я. – Мишка тоже стонет, еще лучше меня.

– Это не оправдание, – нахмурился папа. – Нужно есть прилично. Мало тебя учили?

– Значит, мало, – сказала мама.

– Ничему не учили, – сказал я. – Я ем как бог на душу положит. И ничего. Довольно здорово получается. А чему тут учить-то?

– Нужно знать правила, – сказал папа строго. – Ты знаешь? Нет. А вот они: когда ешь, не чавкай, не причмокивай, не дуй на еду, не стони от удовольствия и вообще не издавай никаких звуков при еде.

– А я не издаю! Что, издаю, что ли?

– И никогда не ешь перед обедом хлеб с горчицей! – воскликнула мама.

Папа ужасно покраснел. Еще бы! Он недавно съел перед обедом, наверное, целое кило хлеба с горчицей. Когда мама

принесла суп, оказалось, что у нее уже нет хлеба, папа весь съел, и мне пришлось бежать в булочную за новым. Вот он теперь и покраснел, но промолчал. А мама продолжала на него смотреть и все говорила беспощадным голосом. Она говорила как будто бы мне, но папе от этого было не по себе. И мне тоже. Мама столько наговорила, что я просто ужаснулся. Как же теперь жить? Того нельзя, этого нельзя!

– Не роняй вилку на пол, – говорила мама. – А если уронил, сиди спокойно, не становись на четвереньки, не ныряй под стол и не ползай там полчаса. Не барабань пальцами по столу, не свисти, не пой! Не хохочи за столом! Не ешь рыбу ножом, тем более если ты в гостях.

– А это вовсе не рыба была, – сказал папа, и лицо у него стало какое-то виноватое, – это были обыкновенные голубцы.

– Тем более. – Мама была неумолима. – Еще чего придумали, голубцы – ножом! Ни голубцы, ни яичницу не едят ножом! Это закон!

Я ужасно удивился:

– А как же голубцы есть без ножа?

Мама сказала:

– А так же, как и котлеты. Вилочкой, и всё.

– Так ведь останется же на тарелке! Как быть?

Мама сказала:

– Ну и пусть останется!

– Так ведь жалко же! – взмолился я. – Я, может быть, еще

не наелся, а тут осталось... Нужно доесть!

Папа сказал:

– Ну доедай, чего там!

Я сказал:

– Вот спасибо.

Потом я вспомнил еще одну важную вещь:

– А подливу?

Мама обернулась ко мне.

– Что подливу? – спросила она.

– Вылизать... – сказал я.

У мамы брови подскочили до самой прически. Она стукнула пальцем по столу:

– Не смей вылизывать!

Я понял, что надо спастись.

– Что ты, мама? Я знаю, что вылизывать языком нельзя!

Что я, собачонка, что ли! Я, мама, вылизывать никогда не буду, особенно при ком-нибудь. Я тебя спрашиваю: а вымазать? Хлебом?

– Нельзя! – сказала мама.

– Так я же не пальцем! Я хлебом! Мякишем!

– Отвяжись, – крикнула мама, – тебе говорят!

И у нее сделались зеленые глаза. Как крыжовник. И я подумал: ну ее, эту подливку, не буду я ее ни вылизывать, ни вымазывать, если мама из-за этого так расстраивается. Я сказал:

– Ну ладно, мама. Я не буду. Пусть пропадает.

— А вот, кстати, — сказал папа, — я серьезно хочу тебя спросить...

— Спрашивай, — сказала мама, — ты ведь еще хуже маленького.

— Нет, верно, — продолжал папа, — у нас, знаешь, иногда банкеты бывают, всякие там торжества... Так вот: ничего, если я иногда захвачу что-нибудь с собой? Ну, яблочко там или апельсин...

— Не сходи с ума! — сказала мама.

— Да почему же? — спросил папа.

— А потому, что сегодня ты унес яблоко с собою, а завтра начнешь винегрет в боковой карман запихивать!

— Да, — сказал папа и поглядел в потолок, — да, некоторые очень хорошо знают правила хорошего тона! Прямо профессора! Куда там!.. А как ты думаешь, Дениска, — папа взял меня за плечо и повернул к себе, — как ты думаешь, — он даже повысил голос, — если у тебя собрались гости и вдруг один надумал уходить... Как ты думаешь, должна хозяйка дома провожать его до дверей и стоять с ним в коридоре чуть не двадцать минут?

Я не знал, что ответить папе. Его это, видимо, очень интересовало, потому что он крепко сжал мое плечо, даже больно стало. Но я не знал, что ему ответить. А мама, наверно, знала, потому что она сказала:

— Если я его проводила, значит так было нужно. Чем больше внимания гостям, тем, безусловно, лучше.

Тут папа вдруг рассмеялся. Как из песни про блоху:

– Ха-ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха! А я думаю, что он не умрет, если она не проводит его! Ха-ха-ха-ха-ха!

Папа вдруг взъерошил волосы и стал ходить туда-сюда по комнате, как лев по клетке. И глаза у него все время вращались. Теперь он смеялся с каким-то рывком: «Ха-ха! Рпр! Ха-ха! Рпр!» Глядя на него, я тоже расхохотался:

– Конечно, не умрет! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Тут случилось чудо. Мама встала, взяла со стола чашку, вышла на серединку комнаты и аккуратно бросила эту чашку об пол. Чашка разлетелась на тысячу кусочков.

Я сказал:

– Ты что, мама? Ты это зачем?

А папа сказал:

– Ничего, ничего. Это к счастью! Ну, давай, Дениска, собирайся. Иди к Мишке, а то опоздаешь! Иди и не ешь рыбу ножом, не позорь фамилию!

Я собрал свои подарки и пошел к Мишке. И мы там веселились вовсю. Мы подскакивали на диване чуть не до потолка. Мишка даже стал лиловый от этого подскакивания. А фамилию нашу я не опозорил, потому что угощение было не обед или ужин, а лимонад и конфеты. Мы поели все конфеты, какие были, и даже ту коробочку съели, что я Мишке принес в подарок. А вообще подарков Мишке понанесли видимо-невидимо: и поезд, и книжки, и краски. И Мишкина мама сказала:

– Ох, сколько подарков у тебя, Мишук! А тебе какой больше всех нравится?

– Какой может быть разговор? Конечно, гусиное горло!

И покраснел от удовольствия.

А я так и знал.

Хитрый способ

– Вот, – сказала мама, – полюбуйтесь! На что уходит отпуск? Посуда, посуда, три раза в день посуда! Утром мой чашки, а днем целая гора тарелок. Просто бедствие какое-то!

– Да, – сказал папа, – действительно, это ужасно! Как жалко, что ничего не придумано в этом смысле. Что смотрят инженеры? Да, да... Бедные женщины...

Папа глубоко вздохнул и уселся на диван. Мама увидела, как он удобно устроился, и сказала:

– Нечего тут сидеть и притворно вздыхать! Нечего все валить на инженеров! Я даю вам обоим срок. До обеда вы должны что-нибудь придумать и облегчить мне эту проклятую мойку! Кто не придумает, того я отказываюсь кормить. Пусть сидит голодный. Дениска! Это и тебя касается. Намотай себе на ус!

Я сразу сел на подоконник и начал придумывать, как быть с этим делом. Во-первых, я испугался, что мама в самом деле не будет меня кормить и я, чего доброго, помру от голода, а во-вторых, мне интересно было что-нибудь придумать, раз инженеры не сумели. И я сидел и думал и искоса поглядывал на папу, как у него идут дела. Но папа и не думал думать. Он побрился, потом надел чистую рубашку, потом прочитал штук десять газет, а затем спокойненько включил радио и стал слушать какие-то новости за истекшую неделю.

Тогда я стал думать еще быстрее. Я сначала хотел выдумать электрическую машину, чтобы сама мыла посуду и сама вытирала, и для этого я немножко развинтил наш электрополотер и папину электробритву «Харьков». Но у меня не получалось, куда прицепить полотенце.

Выходило, что при запуске машины бритва разрежет полотенце на тысячу кусочков. Тогда я все свинтил обратно и стал придумывать другое. И часа через два я вспомнил, что читал в газете про конвейер, и от этого я сразу придумал довольно интересную штуку. И когда наступило время обеда и мама накрыла на стол и мы все расселись, я сказал:

– Ну что, папа? Ты придумал?

– Насчет чего? – сказал папа.

– Насчет мойки посуды, – сказал я. – А то мама перестанет нас с тобой кормить.

– Это она пошутила, – сказал папа. – Как это она не будет кормить родного сына и горячо любимого мужа?

И он весело засмеялся. Но мама сказала:

– Ничего я не пошутила, вы у меня узнаете! Как не стыдно! Я уже сотый раз говорю – я задыхаюсь от посуды! Это просто не по-товарищески: самим сидеть на подоконнике и бриться и слушать радио, в то время как я укорачиваю свой век, без конца мою ваши чашки и тарелки.

– Ладно, – сказал папа, – что-нибудь придумаем! А пока давайте же обедать! О, эти драмы из-за пустяков!

– Ах, из-за пустяков? – сказала мама и прямо вся вспых-

нула. – Нечего сказать, красиво! А я вот возьму и в самом деле не дам вам обеда, тогда вы у меня не так запоете!

И она сжала пальцами виски и встала из-за стола. И стояла у стола долго-долго и все смотрела на папу. А папа сложил руки на груди и раскачивался на стуле и тоже смотрел на маму. И они молчали. И не было никакого обеда. И я ужасно хотел есть. Я сказал:

– Мама! Это только один папа ничего не придумал. А я придумал! Все в порядке, ты не беспокойся. Давайте обедать.

Мама сказала:

– Что же ты придумал?

Я сказал:

– Я придумал, мама, один хитрый способ!

Она сказала:

– Ну-ка, ну-ка...

Я спросил:

– А ты сколько моешь приборов после каждого обеда? А, мама?

Она ответила:

– Три.

– Тогда кричи «ура», – сказал я, – теперь ты будешь мыть только один! Я придумал хитрый способ!

– Выкладывай, – сказал папа.

– Давайте сначала обедать, – сказал я. – Я во время обеда расскажу, а то ужасно есть хочется.

— Ну что ж, — вздохнула мама, — давайте обедать.

И мы стали есть.

— Ну? — сказал папа.

— Это очень просто, — сказал я. — Ты только послушай, мама, как все складно получается! Смотри: вот обед готов. Ты сразу ставишь один прибор. Ставишь ты, значит, единственный прибор, наливаешь в тарелку супу, садишься за стол, начинаешь есть и говоришь папе: «Обед готов!»

Папа, конечно, идет мыть руки, и, пока он их моет, ты, мама, уже съедаешь суп и наливаешь ему нового, в свою же тарелку.

Вот папа возвращается в комнату и тотчас говорит мне:

«Дениска, обедать! Ступай руки мыть!»

Я иду. Ты же в это время ешь из мелкой тарелки котлеты. А папа ест суп. А я мою руки. И когда я их вымою, я иду к вам, а у вас папа уже поел супу, а ты съела котлеты. И когда я вошел, папа наливает супу в свою свободную глубокую тарелку, а ты кладешь папе котлеты в свою пустую мелкую. Я ем суп, папа — котлеты, а ты спокойно пьешь компот из стакана.

Когда папа съел второе, я как раз покончил с супом. Тогда он наполняет свою мелкую тарелку котлетами, а ты в это время уже выпила компот и наливаешь папе в этот же стакан. Я отодвигаю пустую тарелку из-под супа, принимаюсь за второе, папа пьет компот, а ты, оказывается, уже пообедала, поэтому ты берешь глубокую тарелку и идешь на кухню

мыть!

А пока ты моешь, я уже проглотил котлеты, а папа – компот. Тут он живенько наливает в стакан компоту для меня и относит свободную мелкую тарелку к тебе, а я залпом выдуваю компот и сам несу на кухню стакан! Все очень просто! И вместо трех приборов тебе придется мыть только один. Ура?

– Ура, – сказала мама. – Ура-то ура, только негигиенично!

– Ерунда, – сказал я, – ведь мы все свои. Я, например, нисколько не брезгую есть после папы. Я его люблю. Чего там... И тебя тоже люблю.

– Уж очень хитрый способ, – сказал папа. – И потом, что ни говори, а все-таки гораздо веселее есть всем вместе, а не трехступенчатым потоком.

– Ну, – сказал я, – зато маме легче! Посуды-то в три раза меньше уходит.

– Понимаешь, – задумчиво сказал папа, – мне кажется, я тоже придумал один способ. Правда, он не такой хитрый, но все-таки...

– Выкладывай, – сказал я.

– Ну-ка, ну-ка... – сказала мама.

Папа поднялся, засучил рукава и собрал со стола всю посуду.

– Иди за мной, – сказал он, – я сейчас покажу тебе свой нехитрый способ. Он состоит в том, что теперь мы с тобой будем сами мыть всю посуду!

И он пошел.

А я побежал за ним. И мы вымыли всю посуду. Правда, только два прибора. Потому что третий я разбил. Это получилось у меня случайно, я все время думал, какой простой способ придумал папа.

И как это я сам не догадался?..

Сестра моя Ксения

Один раз был обыкновенный день. Я пришел из школы, поел и влез на подоконник. Мне давно уже хотелось посидеть у окна, поглядеть на прохожих и самому ничего не делать. А сейчас для этого был подходящий момент. И я сел на подоконник и принялся ничего не делать. В эту же минуту в комнату влетел папа.

Он сказал:

– Скучаешь?

Я ответил:

– Да нет... Так... А когда же наконец мама придет? Нету уже целых десять дней!

Папа сказал:

– Держись за окно! Покрепче держись, а то сейчас полетишь вверх тормашками.

Я на всякий случай уцепился за оконную ручку и сказал:

– А в чем дело?

Он отступил на шаг, вынул из кармана какую-то бумажку, помахал ею издалека и объявил:

– Через час мама приезжает! Вот телеграмма! Я прямо с работы прибежал, чтобы тебе сказать! Обедать не будем, пообедаем все вместе, я побегу ее встречать, а ты прибери комнату и дожидайся нас! Договорились?

Я мигом соскочил с окна:

– Конечно, договорились! Урра! Беги, папа, пулей, а я приберусь! Минута – и готово! Наведу шик и блеск! Беги, не теряй времени, вези поскорее маму!

Папа метнулся к дверям. А я стал работать. У меня начался аврал, как на океанском корабле. Аврал – это большая приборка, а тут как раз стихия улеглась, на волнах тишина – называется штиль, а мы, матросы, делаем свое дело.

– Раз, два! Ширк-шарк! Стулья по местам! Смирно стоять! Веник-совок! Подметать – живо! Товарищ пол, что это за вид? Блестеть! Сейчас же! Так! Обед! Слушай мою команду! На плиту, справа по одному «повзводно», кастрюля за сковородкой – становись! Раз-два! Запевай:

Папа только спичкой

чирк!

И огонь сейчас же

фырк!

Продолжайте разогреваться! Вот. Вот какой я молодец! Помощник! Гордиться нужно таким ребенком! Я когда вырасту, знаете кем буду? Я буду – ого! Я буду даже ого-го! Огогугаго! кем я буду!

И я так долго играл и выхвалялся напропалую, чтобы не скучно было ждать маму с папой. И в конце концов дверь распахнулась, и в нее снова влетел папа! Он уже вернулся и был весь взбудораженный, шляпа на затылке! И он один изображал целый духовой оркестр, и дирижера этого оркест-

ра заодно. Папа размахивал руками.

– Дзум-дзум! – выкрикивал папа, и я понял, что это бьют огромные турецкие барабаны в честь маминого приезда. – Пыйхь-пыйхь! – поддавали жару медные тарелки.

Дальше началась уже какая-то кошачья музыка. Закричал сводный хор в составе ста человек. Папа пел за всю эту сотню, но так как дверь за папой была открыта, я выбежал в коридор, чтобы встретить маму.

Она стояла возле вешалки с каким-то свертком на руках. Когда она меня увидела, она мне ласково улыбнулась и тихо сказала:

– Здравствуй, мой мальчик! Как ты тут поживал без меня?

Я сказал:

– Я скучал без тебя.

Мама сказала:

– А я тебе сюрприз привезла!

Я сказал:

– Самолет?

Мама сказала:

– Посмотри-ка!

Мы говорили с ней очень тихо. Мама протянула мне сверток. Я взял его.

– Что это, мама? – спросил я.

– Это твоя сестренка Ксения, – все так же тихо сказала мама.

Я молчал.

Тогда мама отвернула кружевную простынку, и я увидел лицо моей сестры. Оно было маленькое, и на нем ничего не было видно. Я держал ее на руках изо всех сил.

– Дзум-бум-трум, – неожиданно появился из комнаты папа рядом со мной.

Его оркестр все еще гремел.

– Внимание, – сказал папа дикторским голосом, – мальчику Дениске вручается сестренка Ксения. Длина от пяток до головы пятьдесят сантиметров, от головы до пяток – пятьдесят пять! Чистый вес три кило двести пятьдесят граммов, не считая тары.

Он сел передо мной на корточки и подставил руки под мои – наверно, боялся, что я уроню Ксению. Он спросил у мамы своим нормальным голосом:

– А на кого она похожа?

– На тебя, – сказала мама.

– А вот и нет! – воскликнул папа. – Она в своей косыночке очень смахивает на симпатичную народную артистку республики Корчагину-Александровскую, которую я очень любил в молодости. Вообще я заметил, что маленькие детки в первые дни своей жизни все бывают очень похожи на прославленную Корчагину-Александровскую. Особенно похож носик. Носик прямо бросается в глаза.

Я все стоял со своей сестрою Ксенией на руках, как дурень с писаной торбой, и улыбался.

Мама сказала с тревогой:

– Осторожно, умоляю, Денис, не урони.

Я сказал:

– Ты что, мама? Не беспокойся! Я целый детский велосипед выжимаю одной левой, неужели же я уроню такую чепуху?

А папа сказал:

– Вечером купать будем! Готовься!

Он взял у меня сверток, в котором была Ксенька, и пошел. Я пошел за ним, а за мной мама. Мы положили Ксеньку в выдвинутый ящик от комода, и она там лежала спокойно.

Папа сказал:

– Это пока, на одну ночь. А завтра я куплю ей кроватку, и она будет спать в кроватке. А ты, Денис, следи за ключами, как бы кто не запер твою сестренку в комоде. Будем потом искать, куда подевалась...

И мы сели обедать. Я каждую минуту вскакивал и смотрел на Ксеньку. Она все время спала. Я удивлялся и трогал пальцем ее щеку. Щека была мягкая, как сметана. Теперь, когда я рассмотрел ее внимательно, я увидел, что у нее длинные темные ресницы...

И вечером мы стали ее купать. Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и наносили целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой, а Ксения лежала в своем комоде и ожидала купания. Она, видно, волновалась, потому что она скрипела, как дверь, а папа, наоборот, все время поддерживал ее настроение, чтобы она не очень боя-

лась. Папа ходил туда-сюда с водой и простынками, он снял с себя пиджак, засучил рукава и льстиво покрикивал на всю квартиру:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.